

Литературная газета

Выражаем глубокую скорбь по случаю гибели товарищей при катастрофе самолета «Максим Горький» и искреннее соболезнование их семьям и друзьям.

От Центрального Комитета ВКП(б) И. СТАЛИН.
От ЦИК Союза ССР М. КАЛИНИН.
От СНК Союза ССР В. МОЛОТОВ.

СКЛОНИМ ЗНАМЕНА

Вся страна склоняет сегодня знамена перед братской могилкой товарищей, погибших в ужасной воздушной катастрофе.

Гордо раскинула голубое пространство майского солнечного дня мощная стальная птица, поселившаяся на гигантском размахе своих крыльев в небе великого пролетарского писателя.

Вот — бессмысленное столкновение в воздухе, смерной, напавшей на другой самолет. В результате преступного трюкачества, возмущающего озорства. Гитангский воздушный корабль превратился в груду обломков, унес в могилу десятки прекрасных, дорогих нам людей.

О ПОСТРОЙКЕ ТРЕХ НОВЫХ БОЛЬШИХ САМОЛЕТОВ
СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановили взамем погибшего самолета «Максим Горький» построить три больших самолета такого же типа и таких же размеров, как «Максим Горький»: один — «Владимир Ленин», второй — «Иосиф Сталин» и третий — «Максим Горький».

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ЭКИПАЖУ

ПАРИЖ, 18 МАЯ. (По телефону). Глубоко потрясен несчастием с нашим любимым детским самолетом-гигантом, его катастрофой, стоящей жизни нашим летчикам и ударникам лучшей в мире авиационной промышленности.

Дневник Литературной газеты

Широкое обсуждение работы «Литературной газеты» (вмк секция критиков) в бюр. «Л. Г.» № 27) снова поставила вопрос о том, что улучшение качества литературного органа управления ССР есть дело всех советских писателей и наших критиков в первую очередь.

Нужно иметь в виду, что «Литературная газета» проникла в самые отдаленные углы СССР, читается широчайшими массами. Поэтому необходимо, чтобы ее авторитет, как органа Правления ССР, стоял на должной высоте, чтобы содержание газеты было максимально полезным, интересным и — в своей области — достаточно всесторонним.

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ИХ ИМЕН

Безмерной скорбью охвачены наши сердца. Погиб — самолет «Максим Горький».
Еще только недавно, в праздник международной пролетарской солидарности, миллионы массы трудящихся Москвы с чувством великой радости и удивительной следили за его мощным полетом, принимали его громовые приветствия; всего лишь несколько дней назад мы слышали восторженные отзывы наших французских гостей об этом чудесном гиганте, созданном для того, чтобы служить интересам культурной революции. И вот его нет. Погиб из-за нелепой случайности, из-за того, что сопроводившим его тренировочным самолетом ЦАГИ управлял безответ-

ственный человек, вздумавший не к месту и не ко времени блеснуть своим удушьем!
Вместе с самолетом погиб героический экипаж «Максима Горького». Трудно без глубокого волнения читать о том, как Журов и Михеев, не теряя самообладания, выключили при падении машины моторы. Иначе взорвались бы баки с бензином и количество жертв на земле увеличилось бы. Сколько таких самоотверженных героев, людей, воспитанных нашей замечательной страной, умевших беззаветно служить делу социализма, находилось среди остальных 45!

Мы не забудем их имен. Они будут жить в нашей памяти, в наших чувствах, в нашем искусстве. Они останутся как неутомимый призыв к новой борьбе, к новым победам.
Б. АГАПОВ, Н. АСЕЕВ, П. АНТОКОЛЬСКИЙ, И. БАБЕЛЬ, А. БАРТО, А. БЕЗЫМЕНИСКИЙ, ТАБ-РИЛОВИЧ, И. ИЛЬФ, А. КАРАВЕЕВА, В. КАТАЕВ, Б. ЛАГИН, В. ЛУГОВСКОЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАЛЫШКИН, Л. НИКУЛИН, Е. ПЕТРОВ, Л. СЛАВИН, К. ФИНН, З. ХАЦРЕВИЧ, В. ШКЛОВСКИЙ.

СЛУШАЙТЕ СИГНАЛ

Да, нам нужны смельчак, умеющие, раз его надо, не шала себя мчаться вслепую сквозь туман и снег, как это делали Липидеский и Камынин, Водопьянов и Молоков.

Велика скорбь о погибших в катастрофе. Но особенно мучительно мне сознавать, что погиб летчик Михеев, безаварийный пилот, о котором часто приходилось мне читать, и весь старт работы которого вырывал всегда во мне восхищение, ибо это стиль, идуший от Ленина и Сталина.

Эта же — дерзость мужества.
Но на будут прокляты лишь, которые во имя спасения готовы «отомстить» и «выкачать фортель». Полные презрения к расчету и осторожности — «слабо! Подумаешь! Сойдет! Чуть-чуть не считается! Эка вышло!» — эти «каменные ребята» и «рисковые парни» ведут свою родословную от бреттеров гилдокропного дворянства, от аристократов буржуазного притона, от голубоглазых богатого леза.

Скорбящий в то же время четкий, но способный уступить на ляди то, что он считает правильным.
Глубокий мастер своего летного дела, но в то же самое время, человек глубоко чуждый занятию и делами Райсонета, где он был депутатом, и с которыми домкомом, где он вначале был первым активистом. Он учился ремеслу и ходил на литературные курсы при «Крестьянской газете». И много читал. На его полке стояли: Маяковский, Ставский, «Петр I», «Карабузат» Паустовского, Селин, Нильф — Петров...

Их дерзость не просто глупая и преступная дерзость. Это дерзость врагов.
А ведь кой у кого по адресу такой дерзости находится интонация снисхождения, покаяния, почти сочувствия? — «Ну что с него возьмешь, с озорника!»

Около его кровати лежит последняя читанная им книга: «В добрых Усеурибского края».
Он никогда не повышал голоса, ровное спокойствие его было изумительным. Но в полнейшем не было стремительней его, и он любил бег на лыжах, ездил на мотоцикле и водил с мощью ластиком Тагазом.

Вот на рычагах паровоза пролетает на полном ходу опасное закружение.
Вот на шпороном сиденья порывят они проскочить между трамваем и грузовиком.

Как бережен он был к машине, которую вел, и в особенности к людям, которых подымал на воздух.

А, глядя на них, подрастает юнец, для которых верх гордости — не сморгнуть переобуть внезапно уличную, кишущую автомобилями и трамваями.

И в то же время это был человек безаварийной смелости и самого рискованного расчета. Самолет, на котором он учился летать, был «Морав-3», одна из труднейших и опаснейших систем, стоявшая жизни многим летчикам.

Вот закручивают они пилорусу в двух шагах от бензиновых баков.

А чего стоит случай (давно уже это было), когда над горами у его самолета лопнула ступица, и Михеев на перекошенной машине счелся на базарном шоссе какого-то дачного участка, но повредил ни аппарата, ни людей.

Вот закручивают они пилорусу в двух шагах от бензиновых баков.

А чего стоит случай (давно уже это было), когда над горами у его самолета лопнула ступица, и Михеев на перекошенной машине счелся на базарном шоссе какого-то дачного участка, но повредил ни аппарата, ни людей.

СО ВСЕЙ СТРАНОЙ

Вместе со всей страной советские драматурги испытывают чувство глубокой скорби. Нелепая катастрофа отняла у нас ряд доблестных летчиков, ряд лучших ударников и величайших в мире сукоупных самолет «Максим Горький».

Мы сохраним светлую память о погибших героях. Гибель экипажа и пассажиров агитсамолета «Максим Горький» требует от нас создания произведений о радости нашей прекрасной жизни, о людях, которые с такой же преданностью и беззаветной любовью, как погибшие летчики

и ударники ЦАГИ, относятся к своему делу, и великому делу строительства социализма.

МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ ВМЕСТЕ

Все наши радости и каждую горестную утрату мы переживаем вместе.

СКОРБЬ И ГНЕВ

Горечь и скорбь пронизывает сознание. Но и досада, и гнев.

ТРАУРНЫЙ МИТИНГ КОЛЛЕКТИВА ЭСКАДРИЛЬИ ИМ. М. ГОРЬКОГО

Вчера в 9 час. утра, на аэродроме в красном уголке Красно-Подземного состава авиационной эскадрильи им. Максима Горького собрались рабочие трагически погибших — Михеев, Вегман, Власова и других.

Мы знаем, что страна даст новых замечательных людей, новые эскадрильи еще более мощных самолетов, но память о лучших людях, погибших в авиации, не должна быть забыта. Мы знаем, что страна даст новых замечательных людей, новые эскадрильи еще более мощных самолетов, но память о лучших людях, погибших в авиации, не должна быть забыта.

Вот в чем самое тяжелое в случившейся воздушной катастрофе.

Вот в чем самое тяжелое в случившейся воздушной катастрофе.

Благоговейно, нежно и бережно заботится страна в сердцах и памяти миллионов имени экипажа самолета «Максим Горький» и его пассажиров 18 мая. Советское государство, для которого высшей ценностью является человек труда, обеспечило близким погибшим наших товарищей материальную помощь и поддержку. Товарищи их будут завтра за станцией, садит за чертежные доски, положит руки на штурвалы самолетов, чтобы продолжить дело их жизни — завоевание воздуха для торжества социалистического строя на земле.

Сознание не мирится с этой бессмысленной гибелью.

Сейчас он стоит перед товарищами с глазами, полными слез. Вспоминает трагический случай, происшедший по вине недисциплинированного летчика, и вводит железную дисциплину.

Каждый из нас должен крепить дисциплину в той области, где он работает. И эта крепкая, советская, боевая дисциплина будет лучшим памятником тем, кто погиб, нашим ударникам и детям. Нашим славным летчикам.

Сейчас он стоит перед товарищами с глазами, полными слез. Вспоминает трагический случай, происшедший по вине недисциплинированного летчика, и вводит железную дисциплину.

Сейчас он стоит перед товарищами с глазами, полными слез. Вспоминает трагический случай, происшедший по вине недисциплинированного летчика, и вводит железную дисциплину.

Каждую горестную утрату мы переживаем вместе.

Вывос ури и теп из Дома союзов в 17 часов.

Резолюция летчиков и механиков эскадрильи кратко: крепить железную дисциплину в рядах летчиков, умело и полностью использовать материальную часть, созданную великопной советской техникой.

ПЕРВЫЙ СЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ КАЛМЫКИИ

16 мая в столице Калмыцкой области открылся первый сезд советских писателей Калмыкии. Делегаты ехали из всех районов Калмыкии. Присутствует 60 человек, среди них народные певцы, сказители, известные всей Калмыкии старинный певец Каш Баргуев, певец которого распевается во всех углах.

16 мая в столице Калмыцкой области открылся первый сезд советских писателей Калмыкии. Делегаты ехали из всех районов Калмыкии. Присутствует 60 человек, среди них народные певцы, сказители, известные всей Калмыкии старинный певец Каш Баргуев, певец которого распевается во всех углах.

БЕРТ БРЕХТ

ПРИЕМКА ВЕЛИКОГО МЕТРО РАБОЧИМИ

Когда метро было встроено, И пришли хозяева взглянуть на него И проехать в нем, то оказалось, это — Те, кто его построили. Тысячи их стояли перронами Осирал станции гигантские залы. А поезда Проезжали полные до отказа, и лица Женщин, мужчин, детей, стариков, Встречаясь со станциями, загорались, как будто в театре Подымали детей на руках. На ступеньках Высыпали из поездов, строго и нежно Проверяя работу свою. Обходнику Трогали, пробоя лоск. По перрону Шаркали, чтобы убедиться, Хорошо ли укатан асфальт. Впиваясь в вагоны Шупали там обману и трогали стекла, Вспоминали, колесилась, места, где работать пришлось: Ведь камни

Нес след их руки. Я лица Видно отлично — было много света, Много больше, чем в других пещерах, виденных мною. Свет залывал и тоненни. Ни пыли работы Без освещенья, И все это Было построено в срок руками стальных рабочих, Как ни одно метро в мире. И ни одно В мире метро не имело стальных хозяев.

Такая чудесная стройка впервые узнала То, что ее предшественниками Никогда ни в одном государстве Увидать не могли: Хозяином стал рабочий. Где возможно еще, чтобы плоды работы Принадлежали тем, кто слепал работу? Где и когда Не прогнали со стройки тех, кто Ее воздвиг.

Такая чудесная стройка впервые узнала То, что ее предшественниками Никогда ни в одном государстве Увидать не могли: Хозяином стал рабочий. Где возможно еще, чтобы плоды работы Принадлежали тем, кто слепал работу? Где и когда Не прогнали со стройки тех, кто Ее воздвиг.

Когда на моих глазах они читались в вагонах, Сделанных их руками, — мне стало понятно: Вот она явь, которую сквозь времена В пророческом трепете видяли Основоположники коммунизма.

Когда на моих глазах они читались в вагонах, Сделанных их руками, — мне стало понятно: Вот она явь, которую сквозь времена В пророческом трепете видяли Основоположники коммунизма.

Перевод А. Яковлева, С. Тарелкина.

20 МАЯ

Второй, Практика высочайшей критики показывает, что литературным органам нельзя замыкаться в узком кругу литературных произведений. Белянский школа рецензий и на учебники повторов искусства, и на учебники повторов искусства, и на учебники повторов искусства.

Слова тов. Сталина о советских, бедные выходящим расстояния.

Слова тов. Сталина о советских, бедные выходящим расстояния.

В КОЛЛЕКТИВЕ „ДВЕ ПЯТИЛЕТКИ“

РАССКАЗЫ ДВУХ МЕТАЛЛУРГОВ
КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

С. П. БИРМАН — директор завода им. Петровского

Примерно, что литераторов в течение трех часов, как заводские инженеры, слушали двух директоров-металлургов. Слушали, боясь упустить хотя бы одно слово, и не хотели расходиться еще долго после того, как докладчики кончались.

Инженеры человеческих душ учились этому сложному искусству у большевиков-хозяйственников. Это, совсем не парадокс, и определяет содержание состоявшейся встречи. Накаленную атмосферу внимания, которая на ней ослепала.

Кадров решают все. Этот дозвон т. Сталина, как и все другие его замечательные доклады, являющиеся направлением деятельности миллионов строителей социализма на многие годы, — этот дозвон родился как результат анализа происходивших в стране процессов, как результат обобщения реальных явлений, наконец, как результат взгляда в будущее.

Рассказ двух директоров и был рассказом о том, как заботливо они растят людей, какое это трудное искусство, и какие замечательные люди вырабатываются. Имен было названо много, десятки... Но особенно запомнились два имени, воплощенные в фигурах докладчиков — Бирман и Гвахария — директоры — орлоносцы, большевики, овладевшие техникой.

Докладчики учили (это слово наиболее точно выражает суть дела) писателей распознаванию человеческих характеров, уметь направить их развитие в нужную сторону, утилизировать методы борьбы за человека. Может быть, даже без умысла, но доклады были заострены против «чистоплюев», относящихся к производству, как к принудительному для советского автора ассортименту. На десятках фактов писателям было показано, что производство, завод, специфика данного завода формируют характер человека. И являлись, для данной профессии присущий характер, и особенности характера, резко различные индивидуальности, множество оттенков и нюансов.

Сам докладчики — Бирман с завода им. Петровского и Гвахария с Макеевского завода им. Кирова — также никак не один характер, который можно на полочки занести под рубрику «красный директор». И даже недостаточно проработать «красный директор 1935 г.» со всеми вытекающими отсюда последствиями. И недостаточность писателей «Две пятилетки» сегодня собирается через 10 дней после речи тов. Сталина этой замечательной речи, которая создает новую эпоху в развитии нашей страны.

Особенно близка эта речь нам — работникам литературы, коллективу писателей, который поставил перед собой задачу изобразить на двадцатипятилетнюю Советской власти людей нашей страны.

Стални говорил: «Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным, самым решающим капиталом являются люди, кадры». Мы поставили перед собой громадную задачу — показать этот ценный капитал, созданный революцией, показав типы и характеры людей нашей страны, сформировавшиеся в результате 20 лет Советской власти.

Эти новые кадры, эти достойные революцией кадры первой и второй пятилетки выковались прежде всего на наших заводах. Наши заводы являлись не только местами, которые дали стране чуток, металл, сталь, новые орудия производства, но наши заводы — это большевистская школа, которая создала и новых людей. Это преобразование, изменение людей, происходившее на заводе от директора до уборщика, от катала до инженера.

На заводе выработался новый тип работника, и по опыту мы знаем, что новый тип работника в нашей стране означает и новый тип человека.

Сегодня на собрании нашего коллектива присутствуют т. Бирман — директор металлургического завода им. Петровского и т. Гвахария — директор Макеевского металлургического завода им. Кирова.

В работе нашего коллектива мы идем к художественным обобщениям, изучая действительность, узнавая и обобщая ее рядом людей, работающих в различных областях нашей действительности. Мы знаем, что без их опыта, без их помощи, без их влияния людей, без их практики нам было бы чрезвычайно трудно выполнить ту задачу, которая перед коллективом стоит. И мы бы хотели, чтобы товарищи Гвахария и Бирман, которые являлись замечательными директорами в такой же мере являлись и замечательными «затемками» нашей эпохи, чтобы они поделились этим знанием с нами, с коллективом писателей.

Вступление слово на встрече коллектива «Две пятилетки» с т. Бирманом и Гвахарией.

Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ
НОВЫЙ ТИП РАБОТНИКА —
НОВЫЙ ТИП ЧЕЛОВЕКА

Наш коллектив писателей «Две пятилетки» сегодня собирается через 10 дней после речи тов. Сталина этой замечательной речи, которая создает новую эпоху в развитии нашей страны. Особенно близка эта речь нам — работникам литературы, коллективу писателей, который поставил перед собой задачу изобразить на двадцатипятилетнюю Советской власти людей нашей страны. Стални говорил: «Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным, самым решающим капиталом являются люди, кадры».

ИЗ ПИСЬМА К ДРУГУ

... Должен тебе признаться, дорогой: это было для меня своего рода потрясением. Не приспаясь это, пожалуй, подобно некоторым знакомым нашим понятиям, моей воле, моей готовности к незнакомым для меня действительности. Ты-то ведь отлично знаешь, что моя волежность не меняет мне очень скептически расценивать большинство наших литературных встреч, которыми я последние время «облегаю».

Металлургия — это индустрия индустрии. Это, как бы сказать, та отрасль, которая самым непосредственным образом соприкасается с природой, которая находит в природе ценнейшую энергию, напряженную, повсюду работающую все то, что потом уже превращается в культуру. Металлургия и самая романтичная отрасль промышленности. Она крайне можно получить большое эстетическое наслаждение, если почти по-настоящему человек чувствует хорошее отношение к себе. Уметь говорить кратко, но в то же время уметь подходить к человеку, чтобы он чувствовал, что с ним говорит его старший товарищ, который к нему хорошо относится и который вместе с ним делает общее дело.

Особенно нужно учесть необходимость такого подхода на таком заводе, как завод им. Петровского, который и руководит, потому что уметь подходить к человеку, чтобы он чувствовал, что с ним говорит его старший товарищ, который к нему хорошо относится и который вместе с ним делает общее дело. Это особенно важно, потому что уметь подходить к человеку, чтобы он чувствовал, что с ним говорит его старший товарищ, который к нему хорошо относится и который вместе с ним делает общее дело.

Интересно для контраста, который создает нашу роль советских директоров более позитивной, более яркой, сделать параллель с капиталистическим директором. Я видел несколько своих капиталистических коллег за работой. Я, например, видел в работе председателя крупного германского металлургического объединения. Я имел возможность проследить его работу, проследить целый день у него в кабинете и не удивилась тем, как он работает. Его работа ограничивается исключительно административными делами. Он сидит у себя в кабинете в течение целого дня. За все время ему внимания только четыре раза. Мне запомнилась только первая, причем звонок не только днем, но и ночью. Он сидит на 14-м этаже. К нему можно позвонить только тогда, с которыми он предварительно договорился. Специальный лифт поднимает к нему, и человек, относительно которого нет внизу информации у лифтера, что он будет принят в таком-то часу, не может быть принят. Его телефонные разговоры заключаются в том, что он отвечает: да, нет. Сопротивление, трения, которые ему нужно преодолевать, нет никаких. Чтобы это произошло, чтобы где-нибудь по телефону выступил с критикой его работы, — это, конечно, невозможно. Чтобы ему нужно было убедить кого-нибудь, уполномочить это ему нужно сделать, по-настоящему в ход свою энергию, какое-либо свое собственное напряжение.

Я хочу остановиться на тех вопросах, в которых мы с товарищем Бирманом диаметрально расходились. Если у Бирмана основной задачей было воскресить старые заводские традиции, если по состоянию его завода, по техническому оснащению завода, — это было его главной задачей: собрать этих людей, которые знали историю завода, которые знали историю техники, которые знали историю металлургического завода — это было его главной задачей: собрать этих людей, которые знали историю завода, которые знали историю техники, которые знали историю металлургического завода.

Нам с первых же дней приходило на завод, пришлось вести борьбу с теми старыми традициями. Другое дело — вышло у нас не было. Почему? Потому что наш завод резко отличался от заводов тов. Бирмана — наш завод механизированный, где главное — это внимательное отношение к механизму, где эти «анакоры и кудесники» не имеют больше силы, где требуется изучение техники.

Какие задачи мы ставим сейчас перед нашими основными кадрами — перед руководством? Это — американская деловитость, в сочетании с большевистским, чутким, внимательным отношением к людям. Если мы не сумеем овладеть американской деловитостью, то, конечно, мы такое гигантское предприятие, как наше, которое облебит в себе всю мощную новую технику, целиком используя не сумеем. Это совершенно очевидно. Но вместе с американской деловитостью наши рабочие, наши инженеры и техники должны усвоить еще одно — внимательное отношение к людям. У нас нет такого положения: если мы оторвем людей нашего предприятия, то мы там можем выработать по росту людей и зачислить их на работу. И никогда такого положения не будет при социалистических условиях производства. У нас другие условия: мы должны кадры воспитывать истинных бойцов и настоящих организаторов производства.

Как это можно сделать? Конечно, без дисциплины, самой строжайшей дисциплины сверху донизу, этого, конечно, нельзя организовать. На предприятии имеется сложнейшая комплексная организация хозяйства: энергетика, химия, транспорт. Если на этом металлургическом предприятии не будет все совершенно тебе, что это не преувеличение, — впервые раскрылось передо мною во всем своем конкретном величественном значении понятие «социалистическое соревнование»; они рассказали о своей практике, заурядной практике советских хозяйственников, и я до сих пор не могу отделиться от чувства, что это — можно угадать существование? — прочел как-то то границу — эпопею — гомеостатического — в этой эпопее все огромное человеческое массовое, могучее страсти, титаническая борьба, где от каждого командира требуется соединение самых различных талантов — администратора, стратега, воспитателя, дипломата, организатора, трибуна, хозяйственника, — всего и не перечислишь.

Я подумывал, если можно так выразиться, плоть эпохи. Факты, давние известные, осветились изнутри и они оказались новыми и замутительно спланированными друг с другом. Я увидел перспективу, я лучше стал различать свет и тень. И — что меня особенно возмущало: я вдруг с необычайной остротой осознал, как полно помогает наша действительность человеку выжить всю свою творческую индивидуальность. Оба они, Гвахария и Бирман, работают методом социалистического «путь», но это понятие им было разным, друг на друга несколько не похожими. И в обоих случаях — скажу смело — брошены В. Шкловским в бой беседы со мною.

Думал и об этом, а в голову лезло одна мысль: — А как в литературе? Почему наши герои все еще таким сплюснато выступают в ней? И почему она так обижает нашу сегодняшнюю жизнь, веху человечества, дышащую миллионами красок, звенящую песнями и смехом, бурлящую ритмическим расхождением сил?

С. П. БИРМАН — директор завода им. Петровского

Тогда как там кадры приходят, — пример, такое дело: мы выделали тысячу стариков, которые работают на заводе с начала революции, проверили их очень основательно в специальной аттестационной комиссии и назвали их ветераны завода им. Петровского. Мы выдали им удостоверения с фотографией материальных благ, дали им некоторые материальные блага, в виде улучшенного питания и целый ряд моральных благ. Дали бесплатные проезд на трамваях по Днепропетровску. Человек выходит с удостоверением в трамвай, как ветеран завода Петровского. И он счастлив. За ним забронированы два первых ряда во Дворце культуры на всех торжественных собраниях. И они с большим достоинством занимают свои места, пользуются большим уважением и уважением молодежи. Главный эффект заключается в том, что мы этим демонстрируем молодежи, что в этом заводе долгое время, что это оценивают, что с этим считаются, что это уважают.

Основная забота заключается в том, чтобы превратить их всех в патриотов завода. Это то, в чем не уступает ни один капиталистический директор. Там им неважно, считает ли рабочий этот завод своим или нет. А тут мы должны добиться того, чтобы люди считали этот завод своим делом, чтобы они не уходили не только потому, что тут оплачивают их работу, но и потому, что они являются патриотами этого завода. Потому что они уже не хотят уходить от этого завода, они интересуются тем, как работает этот завод, как отзывается об этом заводе, как оценивают везде, в печати и в высших органах, работу этого завода. Вот над этим мы работаем, в особенности в последние два года. Это то, в чем не заинтересован ни один капиталистический директор, ни он заинтересован в людях, ему платят на них, а мы поставили партию, мы заставляем их, мы стараемся их в активные строители социализма.

В этом деле, я сказал бы, мы добились самых больших успехов на нашем заводе, и то, что мы этого добились, является объяснением того, почему мы завод выжили так далеко вперед по сравнению с тем, как об этом пишут в два, три года назад, и пять лет назад, и до войны. Завод сейчас растет почти в два с половиной раза больше, чем при капитализме, до войны, и дает эту продукцию в основном за счет одного и тех же людей.

Второе замечание — насчет кадров. Это самое основное, и поэтому понятно и правильно, что именно этот вопрос поставлен в центре нашей будущей работы. Как повысить расход топлива, как поставить изучение теплового режима наших мареновских печей и пр. И этим объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

По наряду с этим весь коллектив сейчас задан другой целью: металлургический завод, который является комбинатом всех последних достижений науки и техники, должен быть на самом высоком техническом уровне и с внешней стороны, и со стороны обслуживающего персонала, и с т. д. Рассказу вам об одном мероприятии, которое мы делаем на уровне самой высокой опереточной техники. Если вы были на Днепропетрове, — большинство из вас наверняка там было, — то вы видели цит, который является зеркалом работы станции. Выглянул на этот цит, вы видите, как работает тот или другой агрегат. У нас строится сейчас большая диспетчерская, в которой будет 14 этажей, и на самом последнем этаже будет заводский цит, который будет отражать работу всего завода. Вы подумайте о панели, которая будет говорить о работе каждого агрегата, и нам не нужно будет бегать в домашний цит. (У нас будет 6 ярусов, мы будем делать 6 тысяч человек, чтобы уметь управлять механикой с энергетикой, транспортниками с лодочниками, водопроводчиками с паросилом и т. д.) На это уйдут 90 процентов времени. А сейчас уходит на то, как лучше использовать газ, как лучше использовать электрическую энергию, как лучше организовать транспорт, где можно этот транспорт электрифицировать, как повысить расход топлива, как поставить изучение теплового режима наших мареновских печей и пр.

В этом объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

По наряду с этим весь коллектив сейчас задан другой целью: металлургический завод, который является комбинатом всех последних достижений науки и техники, должен быть на самом высоком техническом уровне и с внешней стороны, и со стороны обслуживающего персонала, и с т. д. Рассказу вам об одном мероприятии, которое мы делаем на уровне самой высокой опереточной техники. Если вы были на Днепропетрове, — большинство из вас наверняка там было, — то вы видели цит, который является зеркалом работы станции. Выглянул на этот цит, вы видите, как работает тот или другой агрегат. У нас строится сейчас большая диспетчерская, в которой будет 14 этажей, и на самом последнем этаже будет заводский цит, который будет отражать работу всего завода. Вы подумайте о панели, которая будет говорить о работе каждого агрегата, и нам не нужно будет бегать в домашний цит. (У нас будет 6 ярусов, мы будем делать 6 тысяч человек, чтобы уметь управлять механикой с энергетикой, транспортниками с лодочниками, водопроводчиками с паросилом и т. д.) На это уйдут 90 процентов времени. А сейчас уходит на то, как лучше использовать газ, как лучше использовать электрическую энергию, как лучше организовать транспорт, где можно этот транспорт электрифицировать, как повысить расход топлива, как поставить изучение теплового режима наших мареновских печей и пр.

В этом объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

В этом объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

В этом объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

С. П. БИРМАН — директор завода им. Петровского

Тогда как там кадры приходят, — пример, такое дело: мы выделали тысячу стариков, которые работают на заводе с начала революции, проверили их очень основательно в специальной аттестационной комиссии и назвали их ветераны завода им. Петровского. Мы выдали им удостоверения с фотографией материальных благ, дали им некоторые материальные блага, в виде улучшенного питания и целый ряд моральных благ. Дали бесплатные проезд на трамваях по Днепропетровску. Человек выходит с удостоверением в трамвай, как ветеран завода Петровского. И он счастлив. За ним забронированы два первых ряда во Дворце культуры на всех торжественных собраниях. И они с большим достоинством занимают свои места, пользуются большим уважением и уважением молодежи. Главный эффект заключается в том, что мы этим демонстрируем молодежи, что в этом заводе долгое время, что это оценивают, что с этим считаются, что это уважают.

Основная забота заключается в том, чтобы превратить их всех в патриотов завода. Это то, в чем не уступает ни один капиталистический директор. Там им неважно, считает ли рабочий этот завод своим или нет. А тут мы должны добиться того, чтобы люди считали этот завод своим делом, чтобы они не уходили не только потому, что тут оплачивают их работу, но и потому, что они являются патриотами этого завода. Потому что они уже не хотят уходить от этого завода, они интересуются тем, как работает этот завод, как отзывается об этом заводе, как оценивают везде, в печати и в высших органах, работу этого завода. Вот над этим мы работаем, в особенности в последние два года. Это то, в чем не заинтересован ни один капиталистический директор, ни он заинтересован в людях, ему платят на них, а мы поставили партию, мы заставляем их, мы стараемся их в активные строители социализма.

В этом деле, я сказал бы, мы добились самых больших успехов на нашем заводе, и то, что мы этого добились, является объяснением того, почему мы завод выжили так далеко вперед по сравнению с тем, как об этом пишут в два, три года назад, и пять лет назад, и до войны. Завод сейчас растет почти в два с половиной раза больше, чем при капитализме, до войны, и дает эту продукцию в основном за счет одного и тех же людей.

Второе замечание — насчет кадров. Это самое основное, и поэтому понятно и правильно, что именно этот вопрос поставлен в центре нашей будущей работы. Как повысить расход топлива, как поставить изучение теплового режима наших мареновских печей и пр. И этим объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

По наряду с этим весь коллектив сейчас задан другой целью: металлургический завод, который является комбинатом всех последних достижений науки и техники, должен быть на самом высоком техническом уровне и с внешней стороны, и со стороны обслуживающего персонала, и с т. д. Рассказу вам об одном мероприятии, которое мы делаем на уровне самой высокой опереточной техники. Если вы были на Днепропетрове, — большинство из вас наверняка там было, — то вы видели цит, который является зеркалом работы станции. Выглянул на этот цит, вы видите, как работает тот или другой агрегат. У нас строится сейчас большая диспетчерская, в которой будет 14 этажей, и на самом последнем этаже будет заводский цит, который будет отражать работу всего завода. Вы подумайте о панели, которая будет говорить о работе каждого агрегата, и нам не нужно будет бегать в домашний цит. (У нас будет 6 ярусов, мы будем делать 6 тысяч человек, чтобы уметь управлять механикой с энергетикой, транспортниками с лодочниками, водопроводчиками с паросилом и т. д.) На это уйдут 90 процентов времени. А сейчас уходит на то, как лучше использовать газ, как лучше использовать электрическую энергию, как лучше организовать транспорт, где можно этот транспорт электрифицировать, как повысить расход топлива, как поставить изучение теплового режима наших мареновских печей и пр.

В этом объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

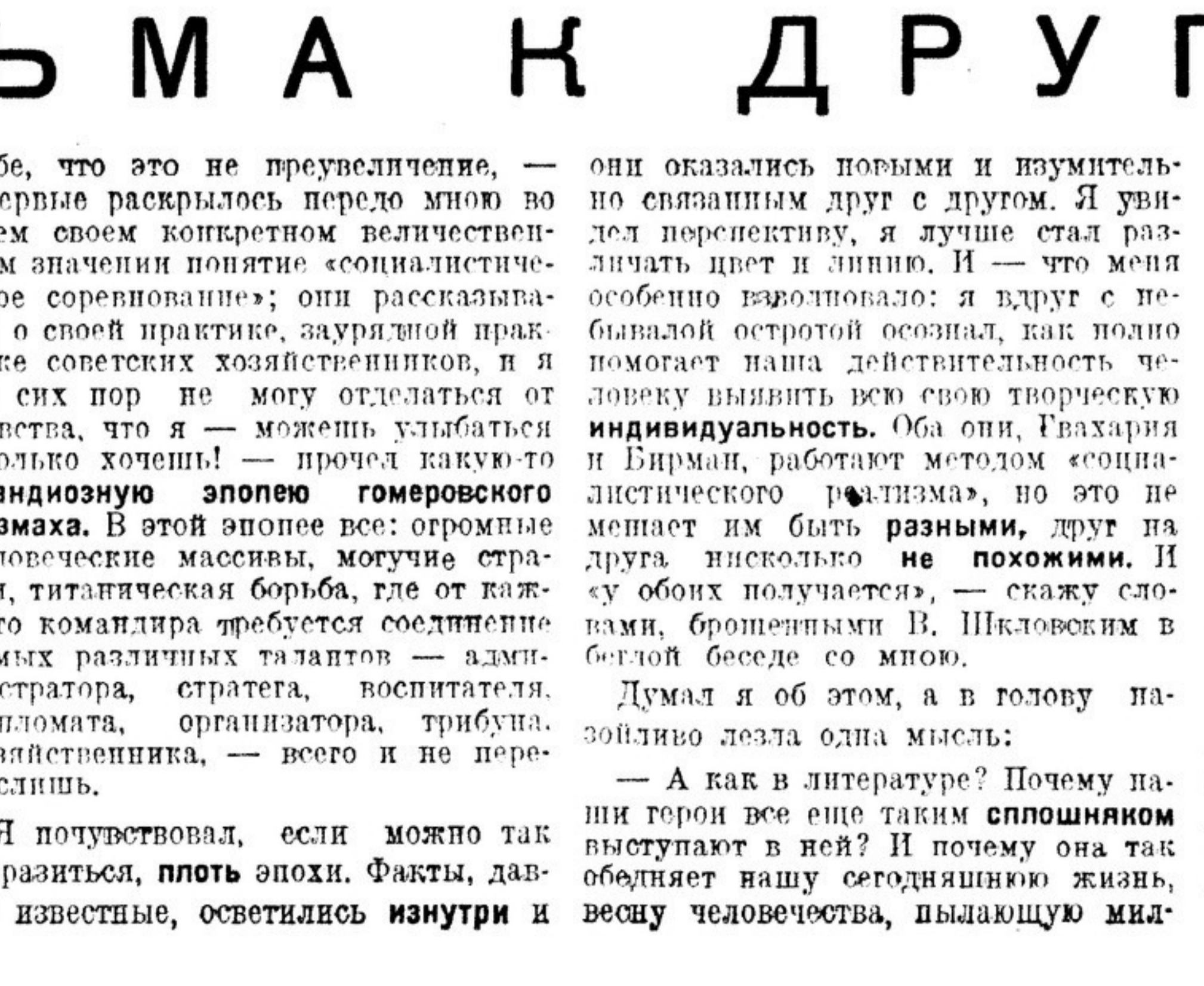
По наряду с этим весь коллектив сейчас задан другой целью: металлургический завод, который является комбинатом всех последних достижений науки и техники, должен быть на самом высоком техническом уровне и с внешней стороны, и со стороны обслуживающего персонала, и с т. д. Рассказу вам об одном мероприятии, которое мы делаем на уровне самой высокой опереточной техники. Если вы были на Днепропетрове, — большинство из вас наверняка там было, — то вы видели цит, который является зеркалом работы станции. Выглянул на этот цит, вы видите, как работает тот или другой агрегат. У нас строится сейчас большая диспетчерская, в которой будет 14 этажей, и на самом последнем этаже будет заводский цит, который будет отражать работу всего завода. Вы подумайте о панели, которая будет говорить о работе каждого агрегата, и нам не нужно будет бегать в домашний цит. (У нас будет 6 ярусов, мы будем делать 6 тысяч человек, чтобы уметь управлять механикой с энергетикой, транспортниками с лодочниками, водопроводчиками с паросилом и т. д.) На это уйдут 90 процентов времени. А сейчас уходит на то, как лучше использовать газ, как лучше использовать электрическую энергию, как лучше организовать транспорт, где можно этот транспорт электрифицировать, как повысить расход топлива, как поставить изучение теплового режима наших мареновских печей и пр.

В этом объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

В этом объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

В этом объясняется то, что если в прошлом году, и даже несколько месяцев тому назад, основной задачей нашего предприятия заключалась в том, чтобы выполнить план, то сейчас мы поставили другую задачу — не только план выполнить, а побить американский коэффициент. Отмечают наш завод побить этого коэффициента, как «побить американский коэффициент». И руководству и производству в целом до этого еще далеко, но на определенных участках мы уже побили американский коэффициент.

Директора нашего предприятия, в 1935 г. никак нельзя сравнить с 1934 г., я уверен, что 1936 г. по техническому и культурному уровню еще больше будет отличаться от 1935 г. Директор нашего предприятия должен всегда расти быстрее, чем само предприятие, иначе дело не пойдет. Но он должен резко отличаться от современного типа директора капиталистического предприятия, потому что специфика капиталистического строя — анархия производства — у нас отпадает. Вопросы сырья в таком понимании, в каком они существуют у капиталистов, у нас не существуют. У нас совершенно другой

Г. В. ГВАХАРИЯ — директор завода им. Нирова (Манеевна)

О ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

ТРЕТЬИ НОМЕРА «КРАСНОЙ НОВИ» И «ОКТЯБРЯ»

МИХАИЛ КОЗАНОВ

В пятом томе замечательного издания «ДВЕ ПЯТИЛЕТКИ» предполагается дать материал, посвященный БУДУЩЕМУ нашей страны и, возможно, социалистическому будущему Европы. Перед участниками этого тома поставлена задача чрезвычайно важная и глубоко интересная, но одновременно и весьма трудная.

Нашу литературу, — до и после Октябрьскую — жанр фантастических произведений почти никак не увлекал. Причины такого безразличного отношения, конечно, разные, но результат, к сожалению, почти одинаков и для литературы дореволюционной и для нашей, советской.

В свое время, говоря о возможном походе будущего, В. В. Воронский высказывал следующую мысль: «В то время, — писал он, — как смелая мысль ученого позволяет ему рисовать более или менее вероятные картины будущего, у художника, этого востелания фантазии, отступает бессильно рука перед подобной задачей: в его творческом арсенале нет элементов этого будущего, ибо их нет в настоящем, а его психика подготовлена только для восприятия настоящего. Война и любовь — продолжал тов. Воронский, — изображающий будущее общество, разве это не беспомощная и жалкая подделка под научный продукт?»

Думается, что если прав был наш критик, называя «беспомощной и жалкой подделкой» попытку отечественных авторов заглянуть в будущее, то уж весьма суров и совсем несправедлив его приговор в адрес иностранных писателей. В самом деле, писатели мечтали, например, о технике будущего чаще проторенных в действительности, — вспоминаю хотя бы романы Жюль Верна, Г. Уэллса, частично — Беллами и др. Эти литературные произведения служили и служат бастией восторженной мысли, как «блеск» капиталистического общества в период творческого расцвета стремилось раскрывать свои производственно-технические возможности, чтобы при помощи их выжить и лучше завоевать весь мир.

Но в одном (и в этом — главное) безусловно прав был В. В. Воронский: для того, чтобы интереснее и убедительнее написать о будущем, волею фантазии человека, необходимо, чтобы в настоящем уже заключались реальные элементы грядущего, чтобы, фантазируя, писатель смог правильно увидеть, понять и продолжить настоящее в направлении его главных, ведущих тенденций развития.

Пути и цель социалистического общества не требуют уже доказок и бесповоротных «мыслеходов» со стороны советского писателя: он уже живет в стране растущего социализма, и программа жизни этого общества становится программой и его личной жизни. Так очерчивается индивидуализм — духовный фабрика мира духовных работников — во имя подлинной свободы индивидуальности. Пусть будет в данном случае по Воронскому: пенсия советских художников, подготовлена для восприятия нашего настоящего, — этого уже достаточно, чтобы «разгадывать» будущее!

У нас, современных, есть право на фантазию в неизмеримо большей степени, чем у всех ушедших поколений: фантазируя, мы не отрицаем реальных фактов окружающей нас жизни, не противостоим им силой в отчаянии, не «слоникотостуем», а утверждаем еще инициативу, правду нашей жизни и ее закономерности. Это — главное, что может и должно отличать наши произведения от лучшего от предыдущих литературных жанров.

Фантазировали социальные утопии XV—XIX веков — Томас Мор, Кампанелла, Сен-Симон, замечательный Фурье, Роберт Оуэн и др. В чем была беда их? Они, эти классики утопии, строили, каждый по-своему, уставную модель организации, но относительную тому громадному сопротивлению, которое оказывали ей сначала реакционно-деспотический феодализм, а затем буржуазное, капиталистическое хозяйство. Огромные разногласия между социальной-утопической моделью в действительности предопределяла поражение идеи и мечтаний авторов «Утопии», «Государства Солнца», «Путешествия в Икарью» и др. В чем была слабость даже тех из них, кто ближе к нам и по времени и по идеям — Фурье, Оуэн и Каба? Они, естественно, не могли ориентироваться политически на тот единственный класс, класс пролетариата, который только и мог быть заинтересован в освобождении от пут и путаницы растущего капитализма. Хорошо известна, например, великая наивность Шарля Фурье, ежедневно, в течение ряда лет, дождавшегося у себя дома «знатных людей и богачей», которые пожелали бы отдать свои деньги... на создание утопического фаланстера! Стопроцентно идеалист обращался за помощью даже к Наполеону и Ротшильду...

Правильно кто-то отметил, что с приходом в историю человечества Маркса и Энгельса, «урожай» утопий резко пад. И это вполне понятно: мир поработенных, страстно мечтающих о свободной, наученной жизни получив в свои руки оружие своего освобождения — генеральное политико-экономическое и философское учение об этой самой жизни и о путях ее завоевания. После Маркса и Энгельса, в эпоху Ленина и Сталина художник может «фантазировать», или утверждая своим творчеством идею научного социализма и коммунистического общества, или выступая против них. Последним, конечно, заняться врагом, но это и будет беспомощная и жалкая подделка, клевета, в которой не может быть ни крупинки убедительности.

Научно-фантастический, познавательный роман (Г. Уэллс, К. Ласвиц, Г. В. Воронский, датский романист Софус Михаэлис и др.), давая «чужды» необычные материалы из различных областей «будущего» знания (особенно многочисленны, конечно, астрономические утопии), заслужено пользуется вниманием нашего широкого читателя. Но почти во всех этих вещах один весьма существенный недостаток: авторы их упорно, словно соучастники одного и того же плохого дела, игнорируют нашу родную планету, все наше земное!

Они увлекая читателя на Марс, на Луну, путешествуют с ним, как Михаил в «Небесном корабле», заставляют его депортировать кирби-чужбинца, чтобы попасть на мифический «Остров доктора Моро» и т. д. Но если у автора-социалиста «Красной звезды» и «Инженера Манни» были одни соображения, в силу которых он выбрал для своих мечтаний Марс, то, например, датчанин Софус Михаэлис, предпринимая путешествие туда же, берет с собой целый груз сенсационно-утопических идей, груз, вернувшись к тому же в истрезжаную язву повествования и мистицизма.

«Утопическое» произведение, написанное советским писателем, утверждая систему образного мышления нашу жизнь в обществе развернутого социализма, неизбежно станет, помимо всего, полемическим, так как оно будет разоблачать буржуазный пошлый на бессмысленное общество. Для зарубежных читателей оно должно стать ярким, интересным и четким агитационным, пропагандистским документом; для всех нас — художественным чертежом (большим или малым) в зависимости от объема изложения писателем материала жизни, идущей вперед.

Если же создавать графическую प्रतिжность взятого таким образом материала, то это — линия, переходящая в пунктир. Откалывание от действительности («летящая», от полной правды нашей жизни сообщит такую «утопическую» произведение все

Бегство от земли продолжает и сейчас у современных западных писателей-«будущников», пожелавших заткнуть уши и закрыть глаза, чтобы не слышать и не видеть наступающего крушения старого, буржуазного мира. Но разве страху может помочь его глухая привычка прятать голову в песок?

В «Машине времени», написанной сорьер лет назад, Герберт Уэллс, рисуя жизнь человечества через несколько тысячелетий, печалился о том, что фраспиритая пропасть между богатыми и бедными, что «в конце концов на земной поверхности должны будут остаться только мушкетеры и парно-паровозного Степана, пойдет гнущийся аппетит и вчерашний чай. Остальные? Они тоже не пропадут, если их вынуть из книги.

преследующие в своей жизни исключительной удовлетворенности и красоте, а под землей оказываются все немощные, что «они, без сомнения, должны будут платить ямским дань за вентиляцию своих жилищ» и т. д. Торрентино и, надо признаться, весьма скупо отдавая дань преданию, которому, мол, суждено вести жизнь подземных эллисов («морюков» (не «потомки ли это английских горняков?», замечательный писатель спешит отвлечь свое внимание существованием надземным «слоем» (т. е. прауродительные их — современное буржуазии), которым чудовищные «морюки» угрожают восстанием и смертью. Но уважение джентльменов могут сейчас не беспокоить: пролетарская угроза может притти только... через тысячи лет! А пока — верьте в пророчество своего знаменитого писателя и продолжайте свое дело.

Так писал Г. Уэллс сорьер лет назад. Но в наши дни он фантазирует уже по-иному: действие, происходящее на нашей грешной земле, гермом для сатиры выбраны лейбористские священники-министры (из тех, кстати, кто так усердно читат Гитлера, «обертающего» Ебропу от большевизма), идет по всем правилам «военного реализма» боковой морской бой, и не менее реалистичен фантом. Земные заботы тяготения оказываются действительными и для художественного внимания тех, чья мысль раньше совершила полет в бесконечную «стратосферу» грядущих годов. На древу «утопической» фантастики выросло нынче яблоко близкой реальности.

Некоторые писатели «фантазируют», заглядывая в будущее, чтобы осмелить его, напугать им своих мятущихся современников, чтобы «спредостеречь» и вооружить их против него. (Главный аргумент их: «запомните! человеку будет трудно!»). Такова, волею случая, податливая повествовательная перо сих авторов? Причина весьма прозрачна и проста: животный страх перед новой эрой в жизни человечества, которая лишит их навсегда громадных преимуществ, созданных для них кормильцем-капитализмом, животный страх перед радужными победоносным социализмом, — это у одних. У других — мещанское паникёрство мироопущение «рожденных ползать», уставших от длительного грохота революции, трудно переносящих социальную атмосферу классовой диктатуры.

Способность видеть происходящее у этих людей не больше даная их собственному обывательскому носу. И так как нос великого индивидуума наиболее остро и «чутко» обоняет неизбежно его, индивидуума, собственный запах (а запах этот в данном случае как запах, но больше ароматный), то для этих, не уничтожив своей собственной непопранности, предпочитают ее окружающим. Так расцветает мелкая сплетнишка и клевета на действительность и на ее продолжение во времени.

«Утопическое» произведение, написанное советским писателем, утверждая систему образного мышления нашу жизнь в обществе развернутого социализма, неизбежно станет, помимо всего, полемическим, так как оно будет разоблачать буржуазный пошлый на бессмысленное общество. Для зарубежных читателей оно должно стать ярким, интересным и четким агитационным, пропагандистским документом; для всех нас — художественным чертежом (большим или малым) в зависимости от объема изложения писателем материала жизни, идущей вперед.

Если же создавать графическую प्रतिжность взятого таким образом материала, то это — линия, переходящая в пунктир. Откалывание от действительности («летящая», от полной правды нашей жизни сообщит такую «утопическую» произведение все

черты социалистического реализма. Творческая фантазия писателя («пунктир»), заинтересованность типическим в нашей действительности, должны продолжать ее, развить, стараясь ответить на ряд вопросов, которые могут возникнуть у нас, современников.

Любопытно было бы собрать в редакции «Двух пятилеток» ответы различных людей на вопрос: что больше всего интересует их сейчас в «будущей» жизни общества? О чем бы они хотели прочитать? Какие новые вопросы — производственно-технические, бытовые, этические, научные — хотели бы увидеть разрешенными в перспективе? Можно заранее предложить, какой огромный интерес могут представлять вопросы и положения рабочих, колхозников, детей, учащихся, красноармейцев и многих других. Надо кроме того предложить каждому из опрошенных «фантазировать» о чем он хочет, собравший материал необходимо систематизировать и ознакомиться с ним писателям-«будущникам». Вместе с тем есть материал (в отборном виде), напечатанный в журнале этой газете, покажет качественное и количественное отношение читателей к вопросу о «будущем» общества, желания тех самых людей, о которых тов. Сталин сказал, что они являются «самым ценным и самым решающим капиталом», существующим в мире. Собранные таких материалов будет одновременно отличных «подсказок» нашим писателям.

Мы имеем право на фантазию. Наше желание предопределяется потребностью в том. («Фантазия есть качество величайшей цели», — говорил В. И. Ленин на XI съезде партии). Напрасно думают, что она пустяк только пошути. Это — чудный инструмент. Даже в математике она нужна, даже открытые дифференциально и интегрально исчислений невозможно было бы без фантазии. Но для того, чтобы получить хороший и большой урожай на поле фантастических произведений, надо ввести в почву не такие вещества, какие подобно имеют в восторженном «растении». Эти «вещества» заготовлены нашей современностью.

Однако стоит вопрос, как следует вводить их? Возникает вопрос о форме и литературных жанрах, при помощи которых писатели-«будущники» должны выполнять свою задачу. Все это следует подвергнуть обсуждению в литературной среде, в Советском писателем и при неслепом участии «на корню» всей редакцией «Двух пятилеток».

В третьем номере «Красной нови» печатается роман Константина Шубина «Третий фронт». Опубликованная часть романа показывает высокую школу накажу первой пятилетия. Расположен в среде профессуры, рост пролетарской интеллигенции — вот золотые линии романа, насколько это можно судить по той незначительной части, которая опубликована. Роман обещает быть интересным и свежим. В третьем же номере продолжает печатание роман Бертельсона «У Днепра» и закончил печатанием роман Пэрл Бак «Смелость». Начаточные этого романа можно поставить в заблуждение редакции «Амурской пятилетки» дана, долго изувачивая Китай, дана в словах романа, вопреки своей классовой ограниченности, реалистическую картину жизни Центрального Китая.

Без боязни власти в преувеличение, можно сказать, что романы Пэрл Бак облагают понимание современного представления о сущности и истоках дженригю-кулкиного контрреволюции. Образы сыновей китайского кулака Ван Луна нарисованы писательницей с большим умением и вкусом. Но из всех трех сыновей (Ванстарший — «помешан», Ван-куней) наиболее удалось образ генерала Ван-младшего, который изображен как честный воин, помывшийся в Боткин привнесший этот царьвок как выступление политическое» — противоречит утверждению: «Война переводит здесь почти не при чем», которое вообще выпадает из всей статьи.

В этом отношении впечатляющие в этом же номере малюшки дальнейшие рассказы Лянина и Ханрейна «Пасажир» и «Мальчик», из которых второй печатается в несколько сокращенном виде в «Правде», по сравнению с романом Пэрл Бак представляли все преимущественно полновесное искусство писателя. Авторы широко известных нашему читателю дальнейших рассказов без всякого публицистического «пажажма» дают глубокое изображение классовых противоречий, выраженное в мастерах нарисованных образах, нарисованных порой нескольких штрихами, крепко связанных в пространство, казалось бы, но напряженном свете.

Попытка создания новеллы-миниатюры сама по себе любопытна. За внешней оригинальностью этих повелл у В. Зювеля не цика «Тысяча

кредит не что иное, как слабость художественного обобщения, неумение отобрать и сюжетно связать действительно необходимое, так как многие зарисовки крайне неудачны, противоречивы и художественно слабы. Вообще надо сказать, что рассказ в общем в «Красной нови» не занимает того места, которое должен занимать этот наиболее читабельный в журнале жанр.

Воспоминания Скитальца о Чехове писал мало нового в содлающей образ писателя, а статья И. Корнева «Воспоминания и мечты Давыда Ллойд Джорджа» вызывает недоумение своим несколько восторженным тоном по отношению к буржуазному политику.

Статьиный материал критического отдела, за исключением деловой статьи Е. Клиновит «Сопротивление материала» (о романе Ольги Форш «Ворон»), находится на низком теоретическом уровне.

Интересная статья К. Чуховского «Высокое искусство» не свободна от досадных противоречий. Утверждение: «При помощи шекспировской трагедии Дружинин сводил партияские счеты с Чернышевским и его сторонниками; а Тургенев и Василий Боткин привнесли в этот царьвок как выступление политическое» — противоречит утверждению: «Война переводит здесь почти не при чем», которое вообще выпадает из всей статьи.

Третий номер «Октября», так же как и первый, открывается выдержками из «Дневников военных лет» Р. Роллана. На этот раз помещены выдержки из дневников конца 1916 г. и начала 1917 г. Период этот характерен для революционной интеллигенции Запада тем, что у нее после опломятения, наступившего в начале войны в результате столкновения с фактом ужасной бойни на войне, наступает прозрение, она начинает ясно видеть, что «директора заводов руководят войной», что «армия находится под огнем собственных пулеметов». Р. Роллан с бичующим сарказмом клеймит «христианство солдатов», «сужающее моральное заглавие», «глушное лицемерие мясников, уверенных, что бараны в энзимизмом идут на бойню», клеймит социал-швинтов как «завывающих дервищей», клеймит всю эпоху, в которой «не осталось ничего святого.

В биографическом очерке Н. Кутянова, выступающего в романе Фурманова под именем комбара Бяля, читатель найдет богатые фактические сведения о Чапаеве, обрае которого дан автором оквоз призму прошедших лет и немного не так, как дан он был Фурмановым.

Интересен очерк И. Розина «Передача людей» — о рассте хаонных кадров под руководством политотдела. Несколько сухой по языку, очерк отличается смелостью в постановке вопроса выращивания людей. Автор не боится показывать плохое и в прошлом союзе, но вылезавшем на призывы, указывает причину этого, заключающуюся в отношении к людям, к проблеме кадров, которое И. Розин определяет довольно жестко: «годами союзе надевался над людьми».

В статьею материале третьего номера наряду с интересной обобщающей статьей Лидкевич о современной полковой литературе помещена статья В. Новикова «Чапаев». Статья эта, не вносящая ничего нового в литературу о Фурмановском «Чапаеве», полна безалаберных и пустых фраз. Говоря о сюжете «Чапаева», что он «глубоко охватывает материал, глубоко содержателен», автор статьи не раскрывает и не доказывает своих положений.

В обзоре журнала «Сибирские огни» за прошлый год, в котором дано не плохое представление о лучшем и старшем провинциальном художественном журнале, тоже имеются неуклюжие формулировки, вроде следующей: «Айтин и тугунсы показаны полнокровными участниками борьбы с капитализмом». В статье много небрежностей.

По смыслу опубликовываемых материалов Роллана, они извлекаются из дневников в этом году, а в № 3 «Октябрь» предисловие автора к дневникам подписано: «Февраль 1925 г.». На стр. 51 под фотографией Чапаева написано: «В. И. Чапаев после 1918 г. в стр. 55 сообщается, что Чапаев в ноябре 1918 г. направлял учиться в Академию генерального штаба в Москву».

Дале истина? ЧИТАТЕЛЬ

хувататься за руководство, сделать себе жаркую карьеру. Но именно потому, что нормы поведения — основные темы книги, Овалов и видитonya, противостоящие этому лагерю.

И хотя в тонкой иронической копловке первой книги романа все кажется как будто «пошлостью в диафрагме», в мир и спокойствие не верится. Вторая книга может перуть все ожидания. Никакого сына от этой до, ре, ми, фа, соль у Иржева может не оказаться. Веленев не случайно учился в Москву. «Ограниченный» Иржева руками Ганшина создатель непобедимый. Говман, он еще не уничтожен, он может выжить. Китаев, его падч, со своим подручными, еще живет по подложному паспорту. А самое главное, Тана и Иржева и Наташа и Понядонов еще только становятся, они все время маются, они растут. Иржева идет вместе с массами, он подготавливает резервы, организует наступление. И это движение непобедимо, их — новые, культурные политически закаленные миллионы — не смелет никакая сила, никакая психическая атака, никакая яд разложения, в прошлом великой культуры, когда всей массой они влупотную подолдут к пережиткам вчерашнего в поведении, к осмерлянию остаткам гофманщины, на каабиде истории пойдут новый набор мертво, сумасшедших и мольчилов. Мертвые Жанны может быть забьют Полоски, сивей выжариваются трунами может быть какой-нибудь ничто в изобретениях, скептически настроенный Ганшина, Жанна, замалчивает о зависти к ним, в оклее Гофмана будет писать дневники, а Веленев будет спорить о приглязах с очередным заводным пономом.

Живые носители буржуазной скверны, их приспособляющиеся ублюдки и последователи будут ликвидированы. Такова неутомимая логика нашего произведения по путем социализма. Утро, которое пишется в книге Овалова, развернется в прекрасный, солнечный день мировой победы коммунизма.

«Горы» В. Засурина выпускает издательство «Советский писатель» с иллюстрациями художника В. Канторовича.

ПОИСКИ РОМАНТИЧЕСКОГО

«Шекспир не жертвует действительностью своим любимым идеям».

БЕЛИНСКИЙ.

Книга прочитана. Ее герои с тобою идут, спорят, ругаются и смеются. Их черновик пятнадцатый. Они воюют, все необыкновенное и служат друг для друга дополнением, подчеркивая, оттеняя один другого. Они умно подобравы. Вот рядом с бухгалтером Пермазановым семизубый рибкий, ясный старюк, его братец, и Пермазанов сразу становится самым большим и значительным. Вот крупно, как-то замечательно подогнано к земле каждому шагом идет Иржева, с рядом с ним, чем-то страшно похожие, хоть и разные, Гофман и Веленев. Гофман идет словно по ближнему стеклу, его больно от каждого шага. Злая прелесть искательство его лица. Веленеву тоже больно, но он притворно улыбается, забегает вперед и извечно старается хоть на шаг раньше Иржева ступить на землю. Но Иржева поперечнее идет с удовольствием, у него даже глаза светятся, даже румянец проступил. Его догоняет Жанна. Она так настойчиво старается попасть в ногу, так поспешно преданно кладет ему в глаза, что Иржева берет ее под руку, Жанна послушно жмет к нему, она не пытается забегать, как Веленев, она убеждает себя, что рядом с ним и она идет так же, как и он. Чуть подальше шагают Тана и Полоскин. Тана, она так похожа на Иржева, она так же затянута, она кажется, вот дождут Тана с Иржева до переключки, распахиваются и Гофманом, Веленевым и Жанной, возмущая под руку, шагавать и аэриют. Полоскин постоит, постоит и скажет: «Я пошел домой». А Веленев с Жанной и Гофманом сползает между собой, как собака из-за кости.

— Общая пробка отменяется, — иронически любуясь своим сцеплением, заметит Ганшина и, взяв из своей Дюгоиской обстановки только жонку

и парно-паровозного Степана, пойдет гнущийся аппетит и вчерашний чай. Остальные? Они тоже не пропадут, если их вынуть из книги.

★

Может быть, как критические статьи и не пишу, хотя А. В. Луначарский и с Гоголем и с Римским-Корсаковым разговаривал, как с живыми, а Шадрин всех тургеневских барчуть не в полове шустри хлеб зарабатывать.

Однако дело не только в литературных образах. Хотя роль плохого романа, если герою его, идущу с тобою, занимают весь трюа, заперая почти всех. Видно, хороши. Но то, что они легко подпадают вместе с объектом в обстановку, в которой они живут, как в комедии де-Лява, все же же. Это группа героев нашего произведения. Тут и настоящий герой и героиня, и ревуер, и инженер, и проказ нашего времени. Но это не актер — это подлинный герой. Они по-настоящему враждуют и борются между собой. И недостаток романа во все не в том, что он не дает историко-познавательного материала (в узком смысле), что он не ставит конкретно-исторических проблем. Срывы

романа начинается там, где герои плетут иракчи свой род и несут отсюда. Где Иржева говорит фразы, которые податят Веленеву (беспоконно занюхавший тон в оцене плявки с Ганшиным), где Матвей маячит (копаясь с Козловым), как Половинка, а Тана надуманно возвращена, как Жанна. В романтичском произведении все страннее слушать ампулу героев. Слушать нормы поведения характеров. В разговоре с Китаевым пономк Борисоглебский «бегал по комнате Китаева, как заводной иржунский паровозик», скажи Овалов — смеется, как затуманенная крава, и от образа Борисоглебского отались бы одни осколки. Поэтому, что это придало бы ему чуть, вотучки, которые не выне бы они, точки, штрихованный персонаж. Ярость заводного иржунского паровозика смешна и несерьезна. Ярость зачумленной кресмы страшна и опасна. Но это не могла понимать Овалов и срывается. Герой, сложивший характер, полнокровный и настоящий, вдруг перестает слышать судфера — действительность, по, прижуденный ходом действия к активности, несет отсобоитну.

Полоскин, парашане с Иржевем, Ганшиным, Гофманом, Китаевым и Тазей — наиболее законченная фигура. Он невзрачен, хитрюк и дервак. И это чрезвычайно типично. Характерности его у Овалова замечательны. Он страдает от неразделенной любви к Ах, как Полоскин жалел себя. Полоскина жалел себя, как никто никогда еще в мире. Даже слеза пробежала до его щеки, помогло, выль былокомое. В разговоре с Жанной: «Полоскин глаза как пальцаы по бромю. Он жалел себя». Тут Полоскин характер а начинает спорить с Иржевем об архитектуре — и слова зашопенные, и мысли потеряны. Отчего это происходит? Оттого, что, освобо-

дая персонажи от исторически-конкретной обстановки, более опосреду их от действительности. Овалов и то же время знает их в отрывочном, недостаточном до столь высокой степени типизации крупе произведений.

В соц-романтическом произведении они приходят в столкновение непосредственно друг с другом, а не через фонот исторической обстановки. Там ответственное поведение героя условно, романтичское произведение. Читатель не потребует от такого произведения исторической конкретности обстоятельств, но несомненно потребует оправданности поведения героя, и тут не помогут никакое умение, никакая заимчивость (а в том и в другом Овалов, к чести его, добился не-настойчиво многого), а стало бы и резкости черт характеров, остроты конфликтов, непримиримости, сатирической беспощадности, которая зачастую является основным элементом романтичского произведения, четкости отнюнков и различий. Все это есть в характеристиках героев у Овалова, но не всегда последовательно пролонтируется в их поступках. Иржева, например, влюблена в Тана и Веленеву. А уже в первой книге сдаловало покатать коранную, принципиальную яржебность этих характеристик, гораздо острее лась их столкновение, точно так же как и гораздо резче очертилась разнуга между Веленевым и Полоскином. Ведь там, где Полоскин искренне и с талантом подубреет язву своими гилантами-ловками, там Веленев олоство, с каким-то внутренним оттапением перекрывает под амурница чужакого беспринципника, и в этом его суматошно-оптимистичский стиль.

Напомню хотя бы эпизод с оглеением цехов, которое затеял Веленев:

«Иржева позвонил в редакцию.
— Нужили ли вылам?
— Ооо! — ладоничски ответил Веленев.
— Помняду, по вель они же искусственные?
— Разве заметно?.. Они подмажут настроение.
Иржева не видел, как нахмыливаю

улыбулся Веленев, — Веленев считал Иржева ограниченным человеком». Это подмечено замечательно, но таких удач мало.

Знай Овалов Веленев и Иржева не в десятках, а в тысячах их поступков, в бесконечном ряде повторяемых положений, он дал бы поистине замечательное поновто предельной художественной и политической остроты. Умный, культурный, жаждущий истин, принципиальный и непримиримый, связанный с каждой своей чертой с нравяними и культурой большевизма Иржева, Радовой железной гвардии коммуниста, все время совершенствующийся, все время растущий и непоставляющий в проявлениях живой жизни, И Веленев — внутренне надорванный безверием в то дело, над которым его история заставила трудиться, истерично вивиченный противоречивостью своего положения. Это он скатает и шаманит вокруг трудностей, он обманывает и втирает очки. Это, наконец, он из всей сокровищницы мировой культуры, давшей Иржеву возможность поворачивать ход истории, вытискивает валинья перья, чтобы прикрянуть свою голову впитухе буржуазного ублюдка, влупучего жонку в эпоху стротельства социализма.

Все эти черты в обоих характерах схвачены очень правильно Оваловым, но не доведены до конца. Конфликт между Иржевем и Веленевым только намечен, и о нем можно лишь догадываться. Хотя он наверняка будет развернут во второй книге. Все предпосылки для этого есть.

Опять, и в том виде, в каком вышел роман, он ставит огромную проблему смеши стили, отношений, работы, творчества в нашей стране. Отваривание с честной борьбой, поистеи деркой, безудержной жизни, карьеризм и индивидуализм — все эти экзопластические паразитические черты ролят Веленеву и Жанну с Гофманом, который «радуется зелени, свежести, реве, но до собственной ему привычке подмывает непосредственно восприятие природы любованием литературными

образами». Гофман пытается мысленно описать зарю: синее, черное, розовое, голубое, синее, багровое синие, оранжевые тени, синь, синь, зелень... Назвав краски, а зарител, только перечисление приятельных».

Это атрофия зрачков, эта литературная язва, — столь типичная для российской буржуазно-бюрократической интеллигенции. Это метафизическое восприятие действительности — единая суть всех итерых, и у Гофмана, и у Жанны, и у Веленева и даже у Полоскина и Ганшиным, который пролонти к большому же доуствительному «свое» данные своей натуре, но его еще нешко держат в своих котлах побрякушки рафинированности, которые ролят его с фантомом Гофманом. Но разве не те же «прилагательные» маняя и Веленеве, когда он, ставшая калок с трактирными пыльными венямика в цехах, дичиного разлагается от ozone, разное не те же «прилагательные» владеют поведением Жанни, когда она декламирует в конце книги о сыне. «В памяти Жанни возникает мелодия любимых мастеров. Живопись на стекле! Прозрачный рисунок разнообразных звуков... Из разверстой тишины вырывается усложненная гамма, аэзвук... Плывет звук арок до боли в глазах! До Резкости МИГА. Дыхание моря! Ослепленное сердце!»

А в результате этого изысканного, рафинированного переживания, которое нарочно утрированное Оваловым, жалкое «прилагательное», фальшивая учебническая гамма до, ре, ми, фа, даже до «сень» не достигла. Что такое Овалова в том, что он по-казал истинно черт, роляющих Гофмана с Веленевым, Жанной и даже с Полоскином и Ганшиным?

Рафинированный утонченный Гофман и все то зверье, которое во главе с Китаевым заправлял властимем, в нормах поведения сплалны буржуазно-бюрократической интеллигенции Веленева и Жанной, которые пытаются

КНИГИ

МАГИСТРАЛЬ НОВЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

„Зимогоры“

Мученики

Гуты

«Зимогоры» — книга об уральских приисках. Время действия — восновительный период. В романе два лагера: сознательные рабочие — подлинный элемент — укравшие хищники и бывшие хозяева. Последние фактически возглавляет главный инженер Ганяна. Цель Ганяна — превратить новые раскопки платины и тем самым сохранить залежи до возвращения из-за границы бывшего хозяина.

Борьба за социалистический прииск, оканчивающаяся победой, — тема романа.

Жуткая жизнь безработных страдалцев стоголовых заводов с поразительной яркостью воспроизведена в сборнике Е. Нецаева «Гутари».

Автор — старый стеклянщик, пятьдесят лет не выходящий из гуты. Его привели туда девятилетним ребенком. Было это в те годы, когда крестьяне только что подвергались благодетельному действию «особолиберальной реформы», а российский капитализм вывозил за широкую дорожку, закопав «особолиберальных» в ямы, а в ямы гребца, индустриальных правых обогатителей. Но вместе с тем росла и кадры proletариата, сколачивался новый могучий класс.

Е. Нецаев показывает ход всех этих процессов вокруг стоголовой промышленности и внутри ее. Автобиографический характер его рассказов придает им особенно ценную, придавая им значение непосредственного, горячего, живого и достоверного свидетельства. Одна за другой встают перед читателем сцены провоза, покорности, протеста; образы «малостепенных» смешиваются, и каждый из них открывает восток остальных; забитые и темные гутари прохлывают длинной чередой, парадка выселяет из своей мученической среды бунтарей и «противников власти». Тысяч повторяться; это результат обобщения и, следовательно, доказательство безусловной правдивости изображения. Очевидно, правдив автор и тогда, когда он показывает бунтарей из гуты в образе Ивана Лыткина. В Иване Лыткине еще очень много «старинки»; он учит гутарей бороться, но на хозяйских семейных торжествах и в церкви управляет хором певчих, исполняющих духовные песнопения.

Люди шагают прямо через степь, угловая в огне, и ставят ветки. В жарко напояющей деревенской избе, среди слепых вороватых выскочек, начинающих падать через плечи и профили дороги. В Москве заседают комиссия, ляхоралочко работают проектные бюро. В старом привозном городе возникает штаб строительства: планы, снабжение, рабочая сила, лес и табак, ометы и наклады, инженеры, техника, чертежники, пробы...

В строение тнаются самые разрозненные люди: инженер Доробева, тот самый Василий Доробева, который в восемнадцатом году, будучи простым солдатом русской армии, варил железнодорожные мосты на пути наступления германской армии, и который, став инженером-большевиком, строил Турксиб, а теперь строит великую магистраль; Максим Робертovich Гесс, последний отпрыск династии инженеров-путейцев, представляющий ведущих словес технических интеллигентии, по-своему честный специалист, не мотунья, однако, ослепленный новыми методами социалистической стройки; Платон Гветавиц, инжнер-большаков, для которого строится — это прежде всего люди, прокладывающие новые пути в будущее; молодой техник Ботун, красавец и метатель, жаждущий и работающий.

Алексей Карцев. «Магистраль». Роман. Часть 1. «Сов. Писатель», 1935.

Новые методы работы, новые люди и новые отношения между ними складываются постепенно. Они вытекают из процесса борьбы, на опыте многих неудач и ошибок. Торжество магистрали будущего закономерно и неизбежно. Такова воля истории и того передового класса, который эту историю творит. Закономерная история стройки воскреснет сегодня или завтра, и научившись, обогатившись опытом люди социализма доведут ее до конца.

В романе Алексея Карцева «Магистраль» примечательно то, что большинство авторов не присутствует механически к повествованию и даже не является фоном для картин, а органически вписан в рассказ о людях и событиях. Реконструкция железнодорожного транспорта и борьба за великую магистраль являются автором лишь как благодарнейший материал, который дает широчайшие возможности для раскрытия сути и выявления движущих сил эпохи.

В этом отличие «Магистраль» от многих производственных романов, где героизм автора ограничивается производственными процессами, мешающими писателю выразить в высоту больших человеческих общений. Вот почему Карцев не боится закончить первую часть романа консервацией стройки. Он не боится сказать, что сотни и тысячи добросовестных и знающих людей работали неправильно. Он не боится подчеркнуть, что несмотря на гигантские усилия таких людей, как Доробева, Гветавиц, Гесс, несмотря на великодушную и честную героическую работу Мельника, Раздубина, комсомола воспитательского полка, дорога строилась неправильно, кустарно, слабо.

Новые методы работы, новые люди и новые отношения между ними складываются постепенно. Они вытекают из процесса борьбы, на опыте многих неудач и ошибок. Торжество магистрали будущего закономерно и неизбежно. Такова воля истории и того передового класса, который эту историю творит. Закономерная история стройки воскреснет сегодня или завтра, и научившись, обогатившись опытом люди социализма доведут ее до конца.

В сравнении с первой повестью А. Карцева («Ромб»), появившейся год три назад, «Магистраль» — несомненно значительнейший шаг вперед. «Ромб» и по композиции и по языку, и по замыслу было успешной работой, но подмывавшая над уровнем стандартного «оборонного» романа. В «Магистраль» Карцев выявляет свои художественные возможности. Он умеет не только задумать вещь, но и воплотить замысел. В манере спокойного и несколько сосредоточенного повествования он показывает людей нашей эпохи, находил для многих из них живые и убедительные краски. Его не пугает, что некоторые из этих людей уже фигурировали в

советской литературе и почти в таких же ситуациях: он спрашивает, что дело не в эгоизме и зависти и позависти, а в умении видеть типичные черты и при этом отбрасывать лишнее. Лучше других удалось ему образы Доробева и его жены, а также портретная галерея Гессов.

Наряду с агроописаниями людей он дает красочные пейзажи труда, написанные в спокойных реалистических тонах: работа изыскательской партии, укрощение аскаватора, прибитые граблеры, митинг на деревенской площади.

Спорными являются лирико-философские отступления автора, особенно в тех случаях, когда Карцев развешивает их в несколько напыщенном или элексто-фельдонном стиле. Но при всей своей спорности они как-то уживаются в контексте и придают ему своеобразный колорит.

Роман в описании только-только разворачивается. Большая часть первой книги является как бы экспозицией того большого действия, которое уже угадывается, в которое уже складываются нити событий и жизни. Люди находятся пока еще на исходной точке своего движения: так Доробева, так Гветавиц, так Максим Робертovich Гесс, инженер с тридцатилетним стажем, носитель старой технической культуры, стоит как бы на пороге своего жизненного пути. Они только еще стартуют. И хотя мы еще не так полно знаем их, хотя мы угадываем в них неоткрытые еще и неугнанные черты, но нас уже интригует их дальнейшая судьба.

Композицию романа следует признать несколько прозаической, тяжелой. Не совсем оправданно внезапное вторжение в роман вождского моста и таких случайных эпизодов, как «сад советов», встреча Доробева с инструктором Берманом. Некоторые эпизоды при всей своей значимости

кажутся лишними загромождают и мешают темп повествования (Апка в домике старого Гесса и др.). Именно вследствие того, что течение рассказа искусственно замедлено и часто без нужды растянуто, заключительная сцена с появлением на стройке «летучего голландца» звучит недостаточно убедительно. Кроме того, роман перегружен сюжетными линиями, некоторые из которых мало существенны (встреча Максим Гесса с женщиной на станции и появление этой женщины в доме Роберта Гесса и др.). Правда, все эти фабульные нити как-то связываются, но их слишком много, и вследствие этого некоторые фигуры вытекают в романе очень редко и проносятся подобно вешней пыли (Шырваев, Дымков, «летучий голландец»). Может быть, этим объясняется и то, что неопределенная вспышка энергии в старике Роберте Гессе, несмотря на все усилия автора, кажется надуманной и неоправданной.

Следует отметить работу писателя над словом. В сравнении с бесспорным и нетривиальным языком «Ромба» так точно описано явление литературного штампа, словесная ткань «Магистраль» выигрывает. Здесь мы уже видим попытку найти свое собственное звучание, свои манеры рисовать человека, живописать события, передать игру световых в природе и в душе человека. И все же добрый язык Ал. Карцева чересчур малок и литературен. Такая малость, неизбежно ведущая к индивидуальным чертам писателя, особенно опасна для молодого автора.

«Магистраль» Карцева — несомненно удача. Она свидетельствует о большом и непрерывном росте нашей литературной молодежи, смело берущейся за решение сложных задач.

Д. РОНИН

М. Камский безусловно хорошо знает материал. Это оказалось прежде всего в изображении природы, в которой автор передает «настроения» и запахи тайги. Знание материала чувствуется и в описании самой обстановки прииска и в особенностях рабочего быта.

Однако об отдельных сценах романа — «своевольности» героев и «неодорожности» — говорит и сам автор в предисловии к своей книге. Притчи этих недостатков т. Камский видит в том, что роман, рассчитанный вначале на две книги, уже в процессе работы пришлось уложить в одну.

Действительно, центральные события — борьба за восстановление промышленности — изложены упрощенно, схематично. Конек романа — исход этой борьбы — скомкан. В то же время в «Зимогорах» много лишнего и лишних неудачных эпизодов, которые говорят о том, что писатель не сумел овладеть материалом. Так, например, очень неудачно и надуманна любовная история Ольги (жены коммуниста Горюнова) с техником Ракитиным. Характер самого Ракитина не разработан, фигура его условна и выполняет в сюжете явно служебную роль. Имена Ольги и появление на свет ребенка нужны автору для того, чтобы лишний раз подчеркнуть достоинства коммуниста Горюнова. Последнего повествование заставляет спокойно принять известие об измене жены и усыновить чужого ребенка. Но все эти детали не помогают расширить положительный характер большевика. Ибо рассказы о совместной жизни Горюнова с Ольгой и ее сыном органически никак не связаны с основной линией романа. Наоборот, эти эпизоды только тормозят повествование и нарушают композицию.

Не только узкие рамки романа определяют его отдельные недостатки. Неудачные, схематичные образы центральных персонажей — большевика Горюнова и предателя Ганяна — неразрывно связаны и с неудачной, схематичной трактовкой самой борьбы за прииск.

Напрасно также автор побоялся конкретнее показывать читателю о самых процессах добычи платины. Если бы в романе была более развита чисто познавательная сторона, книга безусловно от этого выиграла бы и была бы интересна не только для взрослого читателя, но и для подростков и юношества.

Еще один крупный недостаток романа — тяжелый, перегруженный психизмом, надуманными образами и вытесненным языком: «стумлиный», «неумный», «непопощко», «шутельный».

В художественном смысле автор о своей задаче справился. Немного утомляет повторение образов, но каждый из образов жив и полнокроен, имеет определенную цель и цельность, безукоснительно правдой подлинной жизни. Особенно хороши язык персонажей. Они говорят именно так, как каждый из них должен говорить, — на языке можно узнать человека. Дилетант боек, подвижен, увлекает, действителен, в нем рассыпаны блестящие выходы словесного мастерства автора. Книга Е. Нецаева с головой погружает читателя в мир гуты, в страшный мир «гутеюского» мученичества. И хотя автор в конце концов и сам оказывается не в силах вырваться из себя «земляной корень» песчаных (его основные герои либо гибнут, либо как Иван Лыткин, терпят свой след в гуте непомнящая и темнота), однако книга трезво зовет к деятельности. Этого признака не услышал одолетлен Е. Нецаев, но мы его слышим и живо чувствуем, сколько отчаяния и гнева в нем было заключено.

Е. Нецаев — несомненно один из самых и притом очень немногих современных пролетарских литераторов. И со стороны художественной и с точки зрения познавательного историко-социологического материала, выложенного в книгу Е. Нецаева, она представляет глубокий интерес.

С. ГОЛУБОВ

Егор Нецаев. «Гутари». Избранный проза. «Х. Л.» М. 1935. Стр. 215. Ц. 2 р. 50 к.

Осень и молодость

Молодой казанский поэт Дм. Снегун поет преимущественно об осени. Слова еще не слухаются его, он не летит да и спотыкается на рифме (восток — мастерство), он доверчиво хвастается за размер, явно отработанный и уже негодный сейчас, у него не совсем благополучно с разветвленным образом, он plainly думает, что каковы (например, в стихотворении «Ветство тытрво») могут усилить яркими, дающую юными средствами он еще не в состоянии. Для него еще многое из тайн поэтического ремесла находится за семью печатями. Но у него есть живость ощущения, он смотрит на мир глазами человека, выросшего в революции, и потому между осенью и молодостью для него нет разрыва.

Осень у него в первую очередь ассоциируется с урожаем.

А урожай — дело рук человеческих. Урожай — результат труда, притом, в наших условиях — труда свободных людей. Вот почему молодое и оптимистическое звучит его заключительные строки на «осеннюю» тему:

Я люблю В поле трапят огонь Промокши До конца небосвода, Только в нашей Советской стране Пахнут осень И хлебом, И медом, И загаром здоровых людей.

Этот «загар здоровых людей», уверенный в своем социальном и эстетическом дне, — большая удача поэта. Образ советской осени прост до значительности и реалистичен. Это тем значительнее, чем чаще с образом осени до сих пор было связано представление об ущербности и унылости.

Но, конечно, все это еще только обещание. Юноша нашего дня существует у автора лишь в контуре. Это только «загадочность, шагает в остром шлеме человека», а не возникает во всем своем шлеме и деталях. Поэту много надо работать над собой, над мировоззрением, над отцом, над собой, над словом.

П. НЕЗНАМОВ

О ТРЕХ КНИЖКАХ ПОДОБЕДОВА

Характерным для Подобеда, в смысле тематики его рассказов, является переход от заводской (первые две книжки) к колхозной теме (последняя книжка).

К достоинством его заводских рассказов следует отнести не только знание производственной обстановки и рабочего быта, оригинальный сюжетный замысел, стремление в образе типизации позитивных положительных и отрицательных черт и т. д. Однако уже в первых вещах Подобеда непрямо поражает следующие особенности.

Наблюдательность Подобеда направлена не на основное, а на побочные явления заводской жизни. При отсутствии серьезно разработанного производственного фона, реальные показатели борьбы за подъем промышленности изображаемые Подобедом отрицательные факты приобретают самодевушечий «спробимый» характер, и это обесценивает идеологическую значимость рассказов. Более того, иногда это велит и просто к искажению перспектив. Вот несколько примеров.

В рассказе «Эстогада» автор изображает старого рабочего Бутова, уволенного с завода за пьянство и прогулы. Ему противопоставлен директор завода, бывший его одноклассник. Директор — человек бледный, его отрицательные отношения к восстановлению Бутова так слабо и формально мотивировано, что рабочий Бутов как бы «сломан» вещей толкается на попытку убить директора. Получается вредное противопоставление «безысходности» положения безработного и делового «равнодушия» директора.

И как бы для еще большего углубления мрачных красок М. Подобедов применяет стилистические приемы, отнюдь не свидетельствующие о зловонном вкусе и чувстве меры. Показывая домашний быт уволенного с завода Бутова, автор так «живописует» его сынишку: «На полу ползал синичка Май. Личико, голые».

М. Подобедов «Эстогада». Рассказы. Изд-во «Коммуна», Воронеж, 1930 г. Его же «Предвечном». Рассказы. «Коммуна», Воронеж, 1932 г. Его же «На последней меже», Воронеж, 1934 г.

С этой повестью Подобеда как бы перекликается небольшая новелла «На последней меже», которую он опубликовал в журнале «Искра» (1934 г.).

Пухлые ножки и ручки его были испачканы, на щеках, носу и губах сохли мажик испарений. Рядом с ним располагалось лишнее желтое пятно.

Смакование отрицательных сторон худшего быта в сочетании с уже отмеченной мрачной трактовкой темы в целом создает чрезвычайно неблагоприятное впечатление от рассказов «Эстогада».

Примерно в том же плане сделаны и два других рассказа — «Тележка» и «Первый шаг».

Все эти вещи М. Подобеда написаны под влиянием вредной раппортной теории «худшего человека». М. Подобедов предвидит, быть может, против своей воли, к подчеркиванию отрицательных свойств героев, к выпячиванию темных сторон советской действительности и в конечном счете — к пессимистической, безрадостной трактовке темы в целом.

Среди рассказов М. Подобеда на заводские темы есть один, в котором автор как бы «находит себя». Это рассказ-миниматура «Приветственное слово». Сюжет исключительно прост: речь идет о старом рабочем-большевике, который упомянутым комсомольской конференции. Вместо придуманной заранее фразы, но стандартной по содержанию речи старик выводит вынужденный залезание, начинающий говорить «от души», сумбура, но с огромным чувством. Полагая, что он «справился» приветствие, старик изумляется дружным и длительным аплодисментам собрания.

Рассказ сделан просто, искренно и полно бодрости и злого оптимизма. Фигура героя живая, она конкретна и в то же время общена художественно.

В этой вещи Подобеда как бы перекликается небольшая новелла «На последней меже», которую он опубликовал в журнале «Искра» (1934 г.).

Здесь М. Подобедов с большой наблюдательностью и теплотой изображает жизнь председателя колхоза — дельного, настоящего, требовательного работника. Речь идет о деталях, но деталей крайних, живых, и здесь-то проявляется вся сила таланта и злого оптимизма и своеобразного «педагога» своего напора и своеобразного «педагога».

Здесь М. Подобедов с большой наблюдательностью и теплотой изображает жизнь председателя колхоза — дельного, настоящего, требовательного работника. Речь идет о деталях, но деталей крайних, живых, и здесь-то проявляется вся сила таланта и злого оптимизма и своеобразного «педагога» своего напора и своеобразного «педагога».

Здесь М. Подобедов с большой наблюдательностью и теплотой изображает жизнь председателя колхоза — дельного, настоящего, требовательного работника. Речь идет о деталях, но деталей крайних, живых, и здесь-то проявляется вся сила таланта и злого оптимизма и своеобразного «педагога» своего напора и своеобразного «педагога».

Здесь М. Подобедов с большой наблюдательностью и теплотой изображает жизнь председателя колхоза — дельного, настоящего, требовательного работника. Речь идет о деталях, но деталей крайних, живых, и здесь-то проявляется вся сила таланта и злого оптимизма и своеобразного «педагога» своего напора и своеобразного «педагога».

Здесь М. Подобедов с большой наблюдательностью и теплотой изображает жизнь председателя колхоза — дельного, настоящего, требовательного работника. Речь идет о деталях, но деталей крайних, живых, и здесь-то проявляется вся сила таланта и злого оптимизма и своеобразного «педагога» своего напора и своеобразного «педагога».

Здесь М. Подобедов с большой наблюдательностью и теплотой изображает жизнь председателя колхоза — дельного, настоящего, требовательного работника. Речь идет о деталях, но деталей крайних, живых, и здесь-то проявляется вся сила таланта и злого оптимизма и своеобразного «педагога» своего напора и своеобразного «педагога».

Здесь М. Подобедов с большой наблюдательностью и теплотой изображает жизнь председателя колхоза — дельного, настоящего, требовательного работника. Речь идет о деталях, но деталей крайних, живых, и здесь-то проявляется вся сила таланта и злого оптимизма и своеобразного «педагога» своего напора и своеобразного «педагога».

Другие два колхозных рассказа М. Подобеда — «На последней меже» и «По колхозному» — обнаруживают также не плохое знание колхозной проблематики и быта. Тем не менее эти рассказы говорят, каждый по-своему, о незрелости творческих позиций Подобеда и в колхозной теме.

Первый рассказ, формально весьма слабый и растянутый, посвящен теме приспособившегося кулака, внешне доброго, но злого человека. Автор выступает в рассказе в качестве равнодушного по отношению к заготовкам, сопереживающего непосредственно с героем рассказа. Фигура кулацкого выродка Лунева дана ярко и вымучено. С некоторыми оговорками можно принять и фигуру Шатохина — единственного бедняка

Здесь М. Подобедов обнаруживает в сущности тот же порок, что и в первых своих заводских рассказах. Как бы боясь излишней «ладкого» развития сюжета, он берет частность (обычно отрицательную), которая затем (опять-таки, быть может, против воли автора) переключается на тему и извращает перспективу. В данном случае тема борьбы в колхознике начала колхозной дисциплины с отживающим мелкобуржуазным началом показана неверно упрощенно, в плане ничем не оправданной достоверности.

М. Подобедов безусловно обладает наблюдательностью, свободной для писателя, умеет выбирать интересные и острые темы, но у него нет умения обобщать и выбирать типичное в окружающей обстановке, отсюда пессимистический, не оправданный, но обоснованный действительностью колорит.

А. ЧЕРНЯВСКАЯ

Стилистические заметки

Что считать в языке правильным и что неправильным? На днях в «Известиях» была помещена заметка И. Н. Розанова о корректурном экземпляре словаря Даля, хранящегося в Историческом музее. На корректурах есть поправки И. Н. Греча, которому Даль давал свой словарь за просмотр. Между прочим Греч убеждал Даля в том, что слово «вдохновлять» — неправильное и что у хороших писателей оно не встречается.

Действительно, слово «вдохновлять» появилось в русском языке не ранее сороковых годов XIX в. В 1869 г. академик Грот писал: «Еще безобразнее и неправильнее старое слово вдохновлять». От глагола вдохновлять произошло причастие вдохновленный (как от обычного — обыкновенный), а от причастия уже совершенно наперекор грамматике и логике, образовано «вдохновитель», «вдохновительница» — глаголами, которыми еще помнил и хорошо понимал стихи Державина.

От строгого Кундлера муда, Которая его выдыхала Играть на нежном, вюном кие, — слово «вдохновитель» должно было произойти примерно такое же впечатление, как если бы сейчас кто-нибудь, под влиянием слова «вдохновитель», сказал «вдохновитель» вместо «вдохновитель». И все же, несмотря на эту безобразную с точки зрения грамматики неправильность, слово «вдохновитель», «вдохновительница» как тогда же указывал Греч, «благополучно прижились».

Обобщив все сказанное в языке в первую минуту представляется неправильным. Не есть неправильно, которые выжили и становятся общим достоянием, а есть и так, которые так и остаются неправильными, потому что они лишены великого практического и смыслового оправдания.

Например теперь очень часто пишут «мировоззренческий», «экономический», «литературоведческий» вместо правильных «мировоззренческий», «экономический», «литературоведческий». Под копией статуи Вереры Милосердия в Музее изящных искусств я к своему немалому изумлению прочел следующее автоматное: «Статуя выражает наслаждение миссионерскими достижениями угнетенной культуры городской рабовладельческой знати» (дело идет о копие II века до нашей эры). Я мысленно благодарил автора аннотации за неоправданную мне авторитетную социологическую справку, но не премудил занести текст аннотации в свой блокнот лингвистических курьезов.

В самом деле, что могло породить такое слово, как «мировоззренческий»? Никакой смысловой и практической нужды в таком слове, произведенном от немиссионного «мировоззренческого», конечно не существует. Это просто незнание и небрежность, отсутствие языкового вкуса и чутья.

Слово «мировоззренческий», конечно, не бытовое, а книжное, придуманное в кабинете или редакции не совсем сведущими людьми в те годы, когда гораздо более настоящие нужды революционной практики несколько ослабили общественный контроль над языком. Повторяю, употребляя такие неправильные прилагательные употребляется сейчас очень часто. Но простое бытовое слово — это еще не общественная опасность. Ему должна существовать такая санкция литературного и ученого авторитета. А она невозможна по отношению к факту, в основе которого весьма отдалены от практического смысла, ни живой тенденции языкового развития.

Неоправданное изменение в языке заслуживает осуждения еще и потому, что оно без всякой нужды увеличивает всегда существующий разрыв между современной стальной реальностью языка и его прошлым. Но это нельзя понимать в том смысле, что решительно все, что в современном языке не соответствует классическим традициям русского языка, подлежит искоренению. Между тем, в языковых стремлениях поднять культуру нашего языка мы никак не можем никак в смысле ориентации на прошлое.

Примером может служить установка привычки писать «профессор», «директоры», «докторы» (в значении ученой степени) вместо обычных «профессора», «директора», «доктора». Именительный падеж множественного числа на «а» в словах мужского рода — факт очень старый происхождения, плущий из живого языка. Спорилически эта форма встречается еще в памятниках XV века, а с XIX в. она становится очень частой и в образованном литературном языке. Интересно всего то именно так склоняются многие иностранные слова, обозначающие профессии. Спорилически эта форма встречается еще в памятниках XV века, а с XIX в. она становится очень частой и в образованном литературном языке. Интересно всего то именно так склоняются многие иностранные слова, обозначающие профессии.

Примером может служить установка привычки писать «профессор», «директоры», «докторы» (в значении ученой степени) вместо обычных «профессора», «директора», «доктора». Именительный падеж множественного числа на «а» в словах мужского рода — факт очень старый происхождения, плущий из живого языка. Спорилически эта форма встречается еще в памятниках XV века, а с XIX в. она становится очень частой и в образованном литературном языке. Интересно всего то именно так склоняются многие иностранные слова, обозначающие профессии.

Прогрессирующее распространение этой формы в течение XIX века и в наше время является совершенно бесспорным. Пушкин писал «сучитель», «приставы», но колебался уже между «дому» и «дома», «эриги» и «эрига». В комедии Инд. Алдуча «Как ее зовут» есть такая сцена. Героиня комедии Ирина смеется над дурным русским языком француз Жене: «Ха-ха-ха-ха! Цех, а не пехи! Шина, а не спина! Товар, а не товари».

Форма «слова» вместо «слов», в живом языке рабочих безусловно преобладает, считается до сих пор у литературцев неправильной. Но интересно, что живое сознание, наоборот, считает искореняемой, свойственной плохому владеющему русским языком иностранцу именно правильную форму «слова»!

Можно еще спорить по поводу таких слов, в которых форма множественного числа на «а» еще не установилась окончательно. Можно оправдать желание не убавлять рознь

между языком Пушкина и нашим в таких, например, словах, как «договоры», «спиритеры», в разговорном языке все более часто переходящих в «договора», «приговора». Но попытку возродить, вопреки живой языковой тенденции, такие формы, как «профессоры», «директоры», нельзя назвать иначе, как совершенно перлзумым перлзумами.

Дело в том, что в применении к словам, означаям профессии, борьба между окончаниями множественного числа «а» и «я» приобретает отчасти социальный смысл. На отголоски к этим словам «борба» с окончанием «а», плущий из живого повседневного языка, означает такое культурное уважение к языку «профессора», «директор» и пр., которое вряд ли совместно с нашим пониманием авторитета. Здесь слышится какое-то пожелание демократизации этих почетных званий, какое-то, может быть и несознательное, но тем не менее очень несправедливое превращение к профанам.

С. ВИНУКОВ

Михаил Камский. «Зимогоры», роман. Зангис, 1935 г. Тифлис, 204 стр. Ц. 3 р. 50 к., П. 50 коп.

Дм. Снегун — «Ветер Востока», стихи. Казанстанское краевое изд-во, Алма-Ата, 1934 г.

ПИСАТЕЛИ УКРАИНЫ ПОСЛЕ ПЛЕНУМА

НА ПОДЪЕМЕ

Ив. Кириленко
Председатель харьковского областного правления Союза советских писателей.

Являясь одной из самых мощных литературных организаций не только на Украине, но и во всем Союзе, харьковская организация советских писателей за четыре месяца своего существования развернула большую общественную и творческую деятельность, основанную на взаимной помощи писателей, на коллективной работе, на тесном товарищеском сотрудничестве коммунистов и беспартийных.

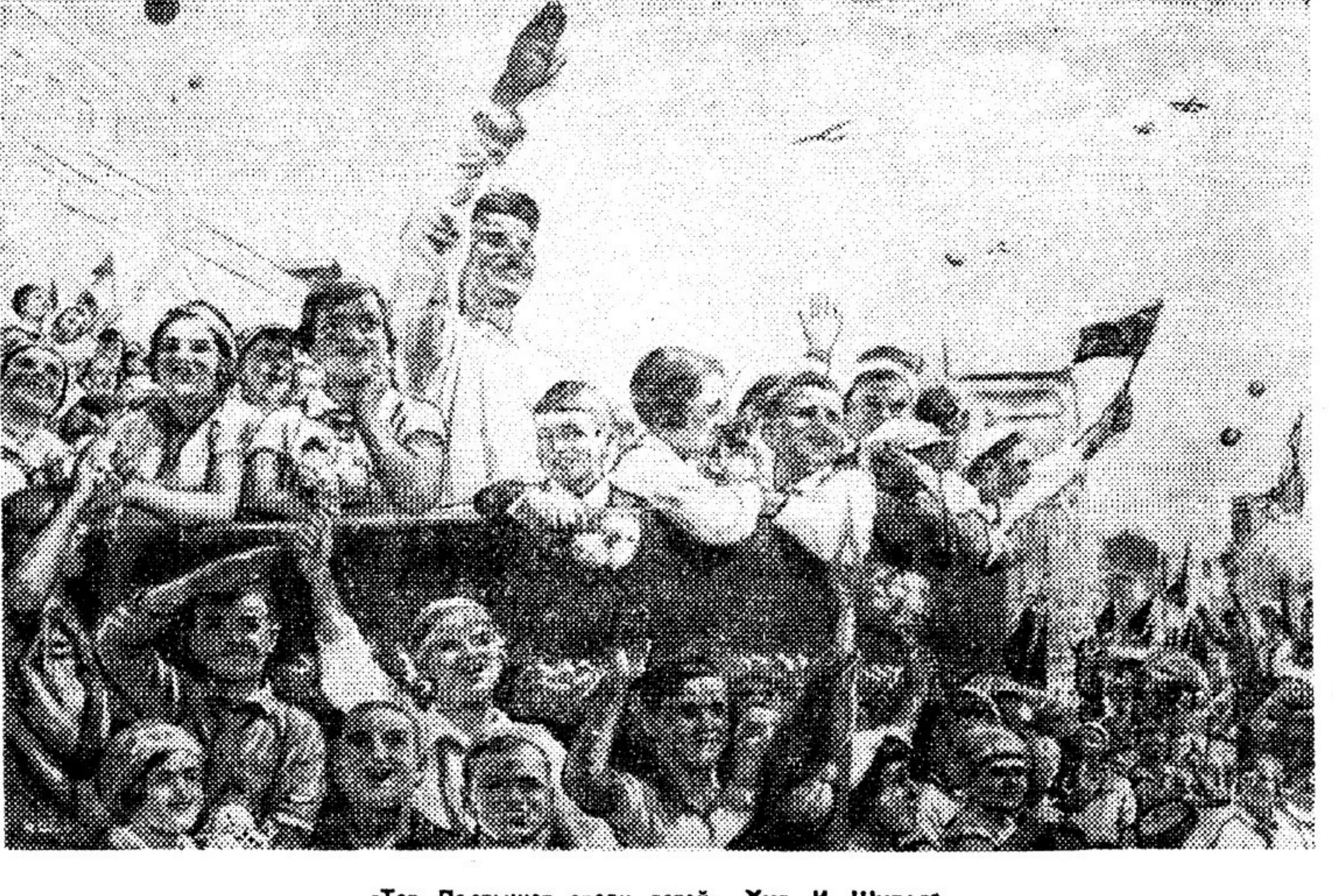
Эта работа проводилась в духе решений всукраинского и всесоюзного съездов советских писателей, на основе указаний ЦК КП(б)У и его руководителей тт. С. В. Косора и П. П. Постышева, которые уделяют огромное внимание развитию литературы советской Украины, чьи мудрые советы всегда являются выражением небывалой заботы и чуткости по отношению к инженерам человеческих душ.

После переезда столицы Украины в Киев в Харькове осталась добрая половина всего Союза советских писателей Украины. Большая группа известных прозаиков — Ю. Смолич, Ю. Яновский, Г. Кошляк, В. Кузьмич, Х. Гильдия, Ю. Шварцкопф, К. Гордешко и др., почти все детские писатели Украины и большая группа молодых авторов, выросших на харьковских индустриальных гигантах. — вот лицо харьковской организации писателей. С первых дней своего существования областное правление уделяло особое внимание вопросам творческого порядка. Каждый член или кандидат Союза еще в процессе работы над произведением имел возможность прочитать его на заседании правления, на декаднике молодых авторов, в драматическом или на концерте в кружке товарищей, близких ему по жанру и по творческим установкам. Такой метод работы дал блестящие результаты. Целью ряд ошибок, неизбежных в творчестве того или иного автора, был устранен в процессе обсуждения. Коллективная творческая работа содействовала творческой атмосфере в организации, ликвидировала всякую пошлость и возможность противопоставления, слоник и бездарности являлись в литературной среде Харькова.

За последние два месяца заслушаны и обсуждены произведения Я. Момонта, П. С. «Богатия женька», пьесы т. И. Муратов, Л. Юхвля («Пропадня»), Велкина («Ужас»), новый роман И. Кальвинского «Степь», обсуждено творчество молодых поэтов С. Крижановского, Вырлана, Хаиная, Копиштейна и других. В ближайшее время на заседании областного правления будут заслушаны и обсуждены новые произведения Ю. Яновского — роман «Ветерники», Ю. Смолича — роман «Наши тайны», новые пьесы И. Кириленко и Г. Ситко, вторая часть романа В. Кошляка «Новые борцы» и ряд других произведений.

Харьков со своими индустриальными гигантами является прекрасной базой для воспитания молодых литературных кадров из среды рабочих и служащих. В настоящее время в Харькове созданы несколько групп писателей, в которых идет процесс взаимного обучения и творческого роста. Эти группы созданы на базе индустриальных предприятий, где писатели работают в тесном контакте с рабочими и служащими, что способствует развитию их творческих способностей и формированию коммунистического мировоззрения.

Сейчас, как никогда, каждый советский писатель горит страстным желанием все свои силы, все умение, знание и талант отдать строению социалистическому обществу, сейчас, как еще никогда, советские писатели охвачены любовью и преданностью большевистской партии и ее славным руководителям. То исключительное внимание, которое оказывают рабочие харьковской организации секретари обкома КП(б)У П. Н. Демченко и председатель областного комитета И. Ф. Федоренко, является гарантией дальнейшей успешной работы писателей в строительстве Харькова. У нас создался бы с полной уверенностью можем заявить, что 1935 год обещает стать

«Тов. Постышев среди детей». Худ. И. Шулуга

самым «урожаемым» годом по линии художественного творчества. Закономерно и сдано в печать много новых произведений, подготовленных к печати еще раньше. В этих произведениях писатели в основном охватывают все актуальные проблемы нашей современной жизни. Индустриализация страны, социалистическая перестройка деревни, борьба за воспитание нового человека, показ новых социалистических качеств наших людей, тира к творчеству, беспримесной любви к своей родине, чувства собственности достояния советского гражданина, теплотой обстановки — такова вторая основная задача харьковской организации писателей.

Состоявшийся недавно в Киеве расширенный пленум всукраинского правления является огромным событием, имеющим историческое значение для развития советской литературы на Украине. Блестящие и гласные выступления тт. С. В. Косора, П. П. Постышева, П. П. Любченко, небывалый энтузиазм всех участников пленума свидетельствуют о том, что отныне советская литература Украины начала новый, высший этап своего развития. Особенно сильное впечатление произвело глубоко философское, насыщенное всеми качествами прогрессивного выступления т. П. П. Постышева, которое является для нас образцом дальнейшей работы и борьбы за социалистическую литературу.

За последнее время было две встречи с рабочими города Харькова, с театрами: русской драмы и Театром революции, с композиторами, с лекторами, а на ближайший период в плане работы организации намечены встречи с руководителями областных партийных и советских организаций, с директорами харьковских индустриальных предприятий, с директорами харьковских заводов, колхозов, Красной армии.

Размеры статьи не дают возможности подробно рассказать о том, что успешно складывается в Харькове, о том, как наша правительственная организация общественной и творческой жизни в наших рядах. Внимательное, чуткое, бережное отношение к каждому творческому человеку, воспитание чувства огромной ответственности за каждое написанное слово — вот что положено в основу работы нашего коллектива. Генеральная цель — это развитие культуры, прогрессивная и высокая культура, прогрессивная и высокая культура, прогрессивная и высокая культура.

Пленум произвел на меня неизгладимое впечатление. Многие моменты, которые были описаны в статье, являются примером для нас, писателей. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину.

Много внимания уделяет харьковская организация повышению идейного и общекультурного уровня советского писателя, расширению его кругозора, повышению его технической грамотности. В разрешении этой задачи большое значение имеют встречи с крупными политическими работниками, светилами науки, техники и медицины и деятелями смежных искусств.

За последнее время было две встречи с рабочими города Харькова, с театрами: русской драмы и Театром революции, с композиторами, с лекторами, а на ближайший период в плане работы организации намечены встречи с руководителями областных партийных и советских организаций, с директорами харьковских индустриальных предприятий, с директорами харьковских заводов, колхозов, Красной армии.

Размеры статьи не дают возможности подробно рассказать о том, что успешно складывается в Харькове, о том, как наша правительственная организация общественной и творческой жизни в наших рядах. Внимательное, чуткое, бережное отношение к каждому творческому человеку, воспитание чувства огромной ответственности за каждое написанное слово — вот что положено в основу работы нашего коллектива. Генеральная цель — это развитие культуры, прогрессивная и высокая культура, прогрессивная и высокая культура.

Пленум произвел на меня неизгладимое впечатление. Многие моменты, которые были описаны в статье, являются примером для нас, писателей. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину.

Пленум произвел на меня неизгладимое впечатление. Многие моменты, которые были описаны в статье, являются примером для нас, писателей. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину.

АЛЕКСАНДР ВО

Перополоная равнина, этот украинский Техас начинается за Днепром, на выг от Каховки; полоса песков тянется вдоль реки с юго-запада, депрессивная степь — вплоть до Мелитопольщины, да юг — Черное море и Джарылгачский залив, и самый город Перекроп на узком материке, всегда служившем преддверием Крыма. Ровное, бесконечное пространство (на масштабы двух человеческих ног), голая равнина без реки, без дерева, одиночные села и хутора стоят редко, солнце — большое и жаркое — катится по небу и ныряет за землю, будто за морскую поверхность, небо не синее, как за Днепром, а цвета нежных голубых переделок неба, небо Крыма над степной бесконечностью.

Эта дикая степь была полем битвы на границах многих эпох, и это не мешало перекропчанам привычно рассчитывать каждую весну и выгнать лето, молчать осенью и заморозить зимой; тогда по ней ходили дикарь и проклятые заурядки, а по степи пролились стенины, и один из вождя партии, т. Сталина в Кремлевском дворце, произнесенная им 4 мая, провозгласила на писателей Харькониин, как и на всех тружеников, нести и охранять вечнозеленые вечнозеленые ветви т. Сталина, харьковские писатели еще раз убедились, что только в условиях диктатуры пролетариата возможны быстрый и бурное развитие национальной культуры, что только у нас может гигантскими шагами развиваться новое искусство человечества.

Приближая историческая дата 20-летия советской власти, Александр Макимович Горький в беседе с украинскими писателями признавал нас достойно встретить эту славную годовщину. Харьковские советские писатели глубоко почувствовали и осознали эти сложные задачи, которые встали перед нами, и каждый из нас живет единой мыслью, как бы лучше, полнее, глубже и ярче показать героические подвиги, трудные, но великие под руководством партии Ленина — Сталина, как бы громче и радостнее провозгласить нашу художественную произведения, посвященные этой великой дате.

Центральный комитет КП(б)У и его руководители тт. Косор и Постышев своей систематической и ежедневной помощью советским писателям создают самые лучшие условия для нашей работы. Укрепленное руководство всукраинского Союза писателей в лице нового председателя Союза т. А. Г. Селенко обеспечивает здоровую творческую атмосферу, в которой будут расти и крепнуть творческие кадры советской литературы на Украине.

Мы идем к 20-летию советской власти, полные веры в свои силы, мы украинцы свои творческую энергию, мы будем работать напряженно, как никогда, для того чтобы героическая эпоха борьбы за социализм получила достойное отражение в наших произведениях.

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

Маленький чабанец (который может выучиться на чабанку и стать чабаном) и наконец заменить отца-чабана) возвращается в сумерки домой. Его встречает друг, рассказывает, как сопливая мать и как заливает плачет ребенок, которого она родила Данилка, и мать, пожалуй, будет битой, но не надо этого бояться, вот пойдем вдвоем к ужину и поужинаем, а при мне она быть не станет, и притом не очнется и больно, коли хорошеюшь нашьвет, вот и выходи — надо поучесть нашьвет и ничего не бояться. Они идут вдвоем в хату и входят во двор, правду Данилка и прадед Данилка, — старый — как мальчик, говорил люди, выскрип, а в хату ступит крупный пё-высокий столик, а на нем розкошней ужины: клясыя-прекрасный квас и ачневые коржи.

И преля к прадеду, спавшему в повети, Данилка утравил слезы, — невольно наворачивались на глаза, — здорово дерется клятая мать, другая бы уж и перерезалась за меня! Данилка, и мать, пожалуй, будет битой, но не надо этого бояться, вот пойдем вдвоем к ужину и поужинаем, а при мне она быть не станет, и притом не очнется и больно, коли хорошеюшь нашьвет, вот и выходи — надо поучесть нашьвет и ничего не бояться. Они идут вдвоем в хату и входят во двор, правду Данилка и прадед Данилка, — старый — как мальчик, говорил люди, выскрип, а в хату ступит крупный пё-высокий столик, а на нем розкошней ужины: клясыя-прекрасный квас и ачневые коржи.

И все это детства складывалось в одну. Прадед стоял, как вояка, знающий все весенние тайны, он казался Данилке хозяином степных обителей. И как-то родился Данилка, и Данилка, которая проснулась на Бабку до восхода солнца и светила. Прадед примчал, откуда в этот день ветер: Коля с Днепра — рыба ловится, бутылка, когда со степи — хорошо для швед, коли с изюмом — бутылка уродилась, а ушла первая ласточка, надо было бросить в нее горстью землей — «на тебе, ласточка, на гнездо!», ласточки не улетают в теплые края, а степенливцы поймают, вынут на дне моря, река или колодезь.

Потом пописывалась годовой рист, а прадед наказывал сорвать его поскорей и потыгать, приговаривая: «тычу, тычу рист, дай, боже, потыгать и новый год увидать!», а кто не успеет — тому на будущий год риста не потыгать, на ашке лежать, и рист для Данилки был чудной тросострицей, и говорил Данилка обо всех, кто с трудом выморозились: «О, уже вылез на рист!»

А первый гром, это весеннее будило, после него земля оттаивает до краев, а девчата бегут стремглав умыться из колодезя и утереться красным поясом — на красоту, а парня беруться за угол хаты и стараются поднять — на силу, и только после первого грома ужиная во дворе, а не в хате. О, первый гром весны!

На сорок святых, когда день сравняется с ночью, в школу учитывальные нужно нести сорки бубонков, но хатам пегорит шпешнички жарворонков с клеоником и крыльничками, все лета в школе лжакотасы этими жарворонками, а у Данилка жарворонки из ачневых теста, и мать плакала — не было у горсти шпешнички муки. Данилка не понимал такого горя и с гордостью показывал всем в школе своего бравого жарворонка, он тюрбаронка за него и делал ему гнездышко, а крыльнички были ловенькие. О мать, зачем сделать жарворонка, из всех жарворонков — он ласточкин жарворон. А внутри у него залепена жарворон.

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

ит и славят весну, а парня размещаются вокруг них, таков уж степной обычай — всюду и веде петь, и вряд ли кто-нибудь на свете так поет, как степники.

Так в песнях и в каторжной работе кончается март, и начинаются апрель, когда все зацветает — белая береза и пушистый себесто-синева кон-трава, и вишневые сады стоят, скачковые, белым плесом в нагнетой степи, идет дождь каплями сбывая летку пыль и испуская пар, дят, замурывание и голодные, бегает под дождем: «Дождик, дождик! Сварю тебе борщик, в пошевном горшочке, поставлю на дубочке, лубочек свалится, а дождик прольется». Данилка качает маленькую Устю и не может выжить на дожде, и когда уж она умрет, в ее пологат на лавку, как взрослая, дед Данилка прочитает поштытар, будто она и в самом деле что-нибудь поймет из той кошачьей книги, а после этого мама должна испечь хорошие пироги с картошкой или фасолью, чтобы помянуть устину душу, хоть маленькую и вредную, да все же человеческую душу, которая без помятия на хаты не вылетит.

А как хорошо пахнут мертвые, когда их пологат на лавку, в окошко протягиваются солнечные руки, прадед Данилка читает книгу-поштытар, огонек над овечкой ворочится, как пчела возле цветка, пахнет мертвецом и стружками из сосны, можно сидеть в углу и долго-долго смотреть, что на лавке лежит чужой человек — желтый, как бог на иконе, а над ним летает его душа, и надо поглядывать на стакан меда, который стоит под образом, из него душа пьет мед, и мед уменьшывается, а душа так и не видно, какая она у того дядьки была — как жарворон или как ласточка, а то — бабочкой или кусочком шмеля.

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

И хочется знать, куда падает солнце, тинет дойти ровной степью до конца земли и взглянуть в простор, где уж немало собралось утасанных солнцем, и как-то они лежат на дне бедны — как решета, как сноворода или как желтые пятнышки?

ПИСАТЕЛИ ХАРЬКОВА О РЕЧИ тов. СТАЛИНА

Необычайная, удивительно радостная весна в нынешнем году, весна, сулящая прекрасный урожай не только на социалистических полях, но и огромный расцвет литературы и искусства.

И если речь товарища Сталина заставляет ушачнее биться сердце каждого честного человека, шире раскрыть глаза на окружающий мир, если она обязывает к тому, чтобы пересмотреть свое отношение к людям, то какой неисчерпаемый по своей глубине материал таит она в себе для тех, кто назван товарищем Сталиным (длинными человеческих душ!)

Партийные и беспартийные большевики — советские писатели Харькова собираются на открытом партийном собрании, чтобы коллективно вновь проглотать эти замечательные слова.

Для углубленного показа нового человека как активного творца, как патриота своей социалистической родины, как ударника индустриальных гигантов и колхозных людей нужны какие-то особые приемы, какой-то особый психологический роман, повесть, рассказ, нужна какая-то особая лирика, согретая подлинной любовью к живому человеку.

Нали литературные журналы должны широко раскрыть свои страницы для творческой дискуссии о том, какими должны быть темы, образы, жанры, характеристики после речи товарища Сталина.

Любовь к человеку и классовая бдительность неразрывно связаны между собой, — это очень выразительно подчеркнул тов. Кириленко. Речь товарища Сталина не только не снимает вопроса о классовой бдительности, но, наоборот, поднимает бдительность на высшую ступень, возвращает о любви ко всякому честному, нашему человеку, тем более эта любовь обеспечена за всякой нашей творческой единицы.

ЧУВСТВО ВЕРЫ В СЕБЯ

Вся моя работа первых десяти лет была пропитана пером распалась на два периода. Результаты этой работы — две группы романов. Обе группы совершенно самостоятельны, — ничего общего ни по жанровым, ни по отвлеченным признакам между собой не имеющая. Группа романов научно-фантастических (пять) и группа романов сатирических (три). Первые по своему литературному качеству ниже и примитивнее, но они устремлялись вперед. Вторые по тем же показателям безусловно выше, но они отталкиваются назад. Они писаны как бы на разных языках, столь разнятся даже их лексика, синтаксис и все прочее.

Эта литературная самостоятельность создавала мне в литературе странное положение. Одни удовлетворяли мои сатеры, но они никак не принимали мои фантастики. Другая, наоборот, импонировала научная фантастика, но за сатеры они величали на меня собаку.

Такая история начала корчить и меня самого. Я решил покончить с этим раз навсегда и сел за синтезирующую вещь. «Часов» должны были примирять и подружить между собою обеих писателей. Я решил стать честным реалистом. В озаме-нование свое я и написал последний мой роман «Наши тайны».

И вот на нашем последнем пленуме, этом замечательном, навсегда памятном, историческом пленуме, где столько сказано, столько услышано и еще больше понято, — после разговора с т. Косоровым и т. Постышевым и выступлений в частности по моему роману «Наши тайны», в который так необыкновенно стал анализ нашей социалистической литературы, я не мало выводов сделал и для себя. Я, например, понял, я, главное, осознал, что параллельные мои периоды не были просто процессами формальными, а были процессами идейными — один рнал с культурой прошлого, другой уходил в ядро будущего, но самого настоящего еще и не было, и мой «векания» — вот те были действительны чисто формальными. Что же касается «48 часов» и «Наших тайн», то это тоже еще не синтез и не новый период. Это искания — публицистические и лирические. У меня были они только как бы орудием приближающегося синтеза. К синтезу я и подхожу только сейчас. И это очень приятно. Как приятно, например, чувство веры в себя. И вот поэтому и особенно доверие нашим социальным пленумом и благодаря товарищам, выступавшим на нем.

Выступали тт. Смолич, Кириленко, Яновский, Гильдия, Мальницкий, Вишневский, Нац, Корня и др. Они говорили о том, что речь товарища Сталина — это свидетельство нового этапа нашего строительства, ставшего перед советской литературой новые, качественно-высшего более глубокие задачи.

Советский писатель, — ответил т. Смолич, — стремился раньше к тому, чтобы показать в своем произведении слеза сидит машина, а уже потом человек. Четкий сидит человек на фоне машины — такова старая старая тема, старый старый тем, кому которых не может забыть советский художник.

Как выступали писатели Украины. Харьковский организация писателей, зловора, сплоченная и спаянная, окрыленная словами вождя, воодушевленная закончившими пленумом, еще крепче должна бороться за создание новых произведений, достойных нашей эпохи.

Этим прекрасными произведениями, которые и сейчас с большой любовью и вознением, являются для меня выступления секретарей Центрального комитета КП(б)У С. В. Косора и П. П. Постышева и председателя Совнаркома УССР П. П. Любченко.

В них ясно, решительно, со всей полнотой подчеркнута забота партии и правительства, направленные на создание наилучших условий для советских писателей, дана широкая программа творческой работы для правления Союза и для каждого писателя.

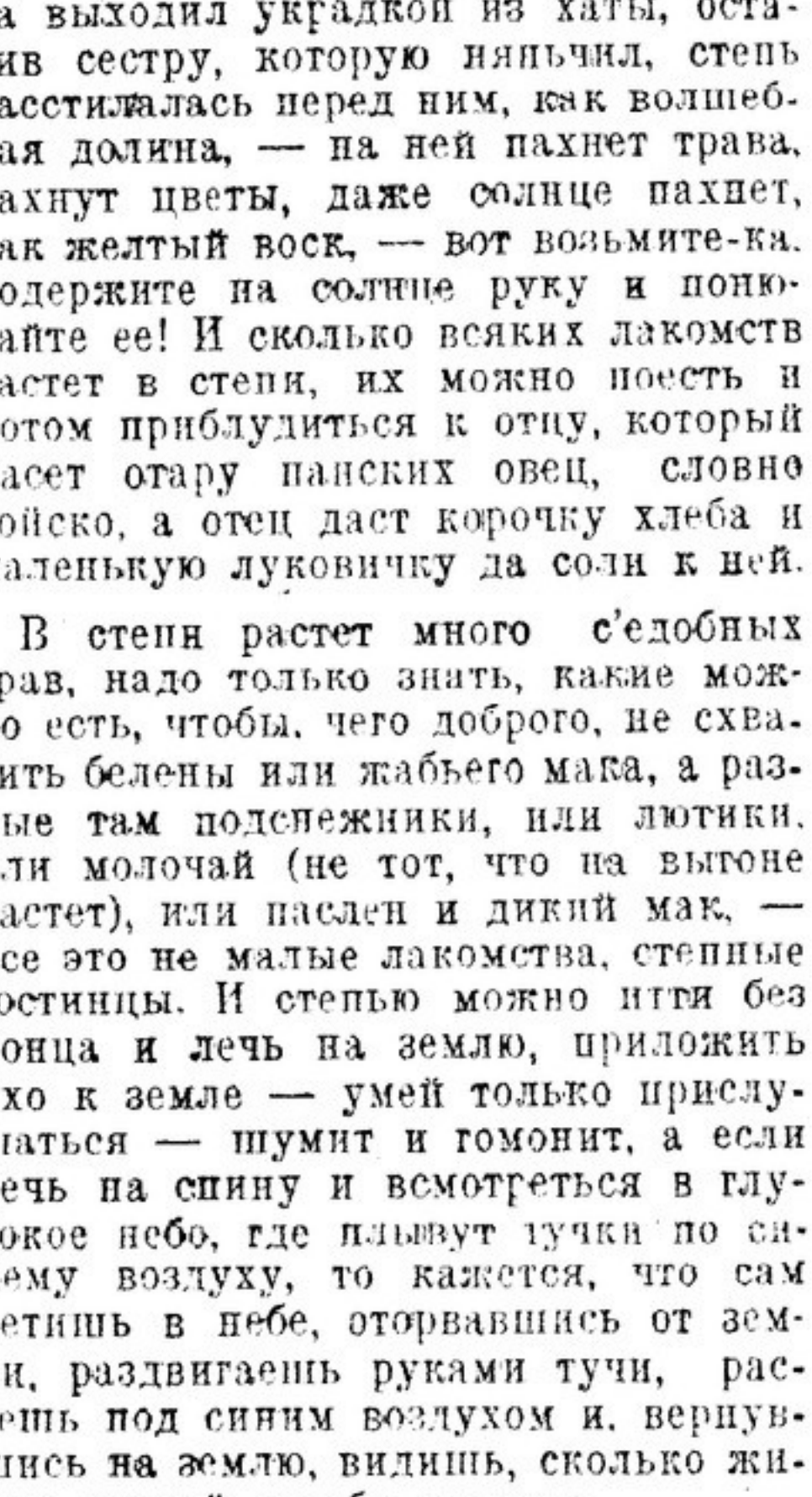
Пленум произвел на меня неизгладимое впечатление. Многие моменты, которые были описаны в статье, являются примером для нас, писателей. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ПЛЕНУМ

Пленум произвел на меня неизгладимое впечатление. Многие моменты, которые были описаны в статье, являются примером для нас, писателей. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину.

Пленум произвел на меня неизгладимое впечатление. Многие моменты, которые были описаны в статье, являются примером для нас, писателей. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину.

Пленум произвел на меня неизгладимое впечатление. Многие моменты, которые были описаны в статье, являются примером для нас, писателей. Мы должны учиться у наших коллег, у тех, кто умеет работать, у тех, кто умеет любить свою работу, у тех, кто умеет любить свою родину.

«Красноармеец» (деталь памятника Тарасу Шевченко в Харькове).

«Катерина» (деталь памятника Тарасу Шевченко в Харькове).

Вопросы формы произведения, стиля, жанра, характера — все это ле-

А. КИРЬ

С. КОЦУБА

ЮРИЯ СМОЛИЧ

Лепешка из кислого теста.

Поезда, сыпаныя.

Перевод с украинского П. Зенкевич

ВЕЧЕР АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ НА ШАРИКОПОДШИПНИКЕ

13 мая, в выходной день шарикоподшипниковцев, на завод приехали армянские поэты **Найри Зарьян, Алазан, Вагаршак, Норен, Гурген Маари, Гегам Сарьян, Витун, поэссеса Агамян**, председатель Союза писателей Армении **Трастамат Симонян**, председатель армянской комиссии правления Союза писателей **Кирпоти**, зав. н.д. сектором правления ЦСД **Дайраджив**, русские поэты **Луговской, Антокольский, Шервинский и Городецкий** и грузинский поэт, находящийся в Москве, **Карло Каладзе**. Была переполнена Шарикоподшипниковская аудитория, в которой состоялся вечер, чтобы послушать армянских поэтов. После краткого выступления слова т. Кирпотина, отметившего многовековую культуру стиха в Армении и огромное политическое значение любовных встреч, с приветствием выступил сильнейший политический поэт Армении **Найри Зарьян**. «Мы здесь дома. Москва — родина лучших мыслей и чувств человечества. Мы еще полны впечатлениями от первой встречи с рабочими Пролетарского района, прошедшей в дни исторического съезда братских литератур нашего великого Союза. Сегодня мы приехали с отчетом к московскому социалистическому пролетариату о проделанной нами работе. Русские братья по классу и творчеству, давайте вместе переживем наши стихи и в этом дадим возможность нашему великому читателю судить о работе армянских советских поэтов». Затем армянский артист **Сурен Качарян** открыл поэтический вечер известным стихотворением старейшего пролетарского поэта Армении, которого А. В. Луначарский назвал Берхартом Армении, **Акопа Аюпьяна** («Революция», написанным им в 1909 г. После за ним артист **МХАТ Лебедев** прочел в переводе **Тихонова** «Националистам», также написанное до революции, в 1911 году, **Акопяном**. Огромным успехом у аудитории пользовалась артистка Малого театра **Обухова**, прочитавшая «Балладу русскому солдату» **Марицы Чарни** с «Партизане, его жене и коню» молодого поэта **Витуня**. С замечательными переводами **Сарьяна** и крупнейшего поэта Армении **Егнуса Чарнича** выступил поэт **Антокольский**. Чтение переводов чередовалось с авторской четкой армянской поэзией в течение двух с половиной часов, и несмотря на то, что в таком огромном количестве стихов утомительны даже для квалифицированной поэтической аудитории, каждое новое выступление принималось с восторгом. Аудитория требовала переводов стихов, читавшихся армянскими поэтами. Второе отделение вечера приобрело подлинно интернациональный характер. Аудитория потребовала выступления присутствующего на вечере грузинского поэта **Карло Каладзе** и наделила его шумными аплодисментами за действительно мастерские стихи. В заключение со своими стихами выступил **Луговской**. Давно в нашей поэтической среде

УНИВЕРМАГ КНИГИ

В этом магазине не продают книг библиотекарям, не выдают счетов на покупки. Здесь сделано все для того, чтобы лучшим образом обслужить индивидуального покупателя. К его услугам — тщательно составленные каталоги книг, помещенные в продажу. В громадной кладовой магазина хранятся свыше двух миллионов томов. На книжных полках — 35 тысяч названий книг. В самых крупных наших книжных магазинах редко бывает свыше 10 — 15 тысяч названий.

В уютной комнате читатель может перелистать вышедшую книгу и почитать, или почитать вышедшую книгу и почитать. Здесь сделано все для того, чтобы лучшим образом обслужить индивидуального покупателя. К его услугам — тщательно составленные каталоги книг, помещенные в продажу. В громадной кладовой магазина хранятся свыше двух миллионов томов. На книжных полках — 35 тысяч названий книг. В самых крупных наших книжных магазинах редко бывает свыше 10 — 15 тысяч названий.

оставляете адрес, указываете, чем интересуетесь, и когда выводит книгу, вам об этом сообщает почтовая открытка. Магазины оформлены по большому плану. Много витрин. Диваны, даже кресла, на которых можно прогнать продолжительное время.

УЧАСТНИК

ЛЕНИНГРАД. 19. (По телеграфу от наш. корр.). Пребывание делегации поэтов советской Армении в Ленинграде вылилось в демонстрацию дружбы поэтов советских народов. Армянским поэтам оказан теплый товарищеский прием. Кроме литературных встреч для гостей был организован осмотр Кировского завода, лесковского дворца, а также поездки совместно со старыми производственниками Кировского завода в Петергоф. Группа старых рабочих-кировец приглашена поэтами в Эривань на празднование 15-летия Армянской советской республики. 17 мая в Доме писателя был проведен вечер армянской поэзии. Гостей приветствовали **Горелов, Федин**. После доклада **Симоняна** выступили поэты **Витун, Норен, Сарьян, Зарьян, Таронян и Вагун**. Переводы читали **Тихонов, Саянов, Антокольский, Светлов, Полонская, Эрлик, Крайский**. Выступила также артистка **Ночерия, Обухова**.

18 мая состоялась творческое совещание ленинградских поэтов и армянской делегации, посвященное вопросу антологии армянской поэзии и выпускаемой в Армении антологии московских и ленинградских поэтов.

О ПОЭЗИИ 1934 ГОДА

Два вечера продолжалось в ДСП обсуждение помещенного недавно в «Литературной газете» обзора Мирского. В своем вступительном докладе т. Мирский упомянул некоторые положения, выдвинутые им в статье, по поводу с этим постановил — правда, в несколько безгласной форме — ряд новых вопросов, из которых основным является вопрос о влиянии Маяковского и Вагницкого в современной советской поэзии.

Прения по статье и докладу Мирского, если не отличались особенным высоким теоретическим уровнем, дали, тем не менее, возможность затронуть ряд актуальнейших проблем современной поэзии и явились свидетельством того, что в нашей поэтической среде накопилось много материала для постановки больших, развернутых дискуссий творческого характера. Положительное значение статьи Мирского, по общему мнению, в том, что она дает известный толчок мысли, так как в ней обнаруживается «счастливое умение схватить что-то неуловимое в произведении и объяснить его» (М. Голодный). Но в то же время ей свойственны и такие черты, как излишняя категоричность, оценочный подход, большой субъективизм суждений, хотя бы ряд оценок и отличался меткостью и своеобразием. Большинство выступлений выражает пожелания, чтобы Мирский не ограничивался характеристикой отдельных произведений, а стал на путь более углубленного раскрытия всего творческого пути поэта или иного поэта, и перешел к коренным вопросам советской поэзии в целом.

Правда, при этом некоторые ораторы предъявляют Мирскому счет, который он вряд ли согласится оплатить. Так, С. Кирсанов и И. Уткин требуют от него большей нетерпимости в отношении поэтов, пользующихся методом, противоположным тем, который Мирский защищает. Они усматривают противоречия, эклектизм в том, что Мирский разрешает себе хвалить поэтов, идущих разными творческими путями. Чрезвычайно своеобразно ставит также Уткин и вопрос о борьбе с явлениями, «дискредитирующими» революционных, пролетарских поэтов. По его мнению, дискредитация заключается в том, что молодежь предпочитает усваивать поэтическую культуру скорее у старых поэтов, нежели у советских поэтов старшего поколения. Дискредитирующий момент усматривает Уткин даже в самом лозунге о... поэтическом смене! Лучше, утверждает он, формулировать, это иначе, говорить о популяризации, а не о смене.

Непонятным кажется все эти страсти. Станет ли партия совершенно равно и четко вопрос о большинстве смене, но в какой мере не опасаясь того, что люди ограниченной мысли могут истолковать этот лозунг, как нечто явное, противоречащее принципам идеологии единства всех рядов коммунистической партии. Правда, в поэтическом молодом поколении еще, очевидно, люди, ослепленные авангардистскими настроениями. Достаточно было послушать вульгарное, разное, и скажем прямо, столь же малопрозрачное выступление **Абросимова** во втором вечере обсуждения, чтобы убедиться в этом. Но может ли такой человек утверждать, что такой **Абросимов** с его мудрыми афоризмами о вкусах «стариков и молодежи» будет ходить в «непонятных гениаль» тем более, что и сам он обнаружил, судя по его стихотворению «Мелетай», очень дурной поэтический вкус и максимально низкий уровень художественной культуры.

Что же касается вопроса о борьбе с псевотом к декадантам, то тут Уткин, конечно, прав. Это признает и т. Мирский, по с одной существенной оговоркой: необходимо, чтобы мастеров, очень высокому, этих поэтов можно было противопоставить, по крайней мере, равноценное мастерство советских поэтов.

Одним из центральных моментов ряда выступлений на дискуссии явился вопрос о «пределах ориентации» на Маяковского и Вагницкого. **Зелинский, Кирсанов, Уткин**, и в особенности завальцовый **Тарасенков**, оспаривают положение Мирского, где сопоставляются фигуры обоих поэтов. Ораиторы считают, что это фигуры несравнимого значения, и потому нельзя в одинаковой степени ориентировать на них литературную молодежь.

Толчком к большому спорам послужила оценка, данная Мирским творчеству **Асеева**. Спор этот, совершенно естественно, вышел за границы суждений о самом **Асееве** и перешел в дискуссию о «эстетике» поэзии вообще и соотношении ее с поэзией лирической. Эта тема, как, впрочем, и ряд других, обозначившихся на обсуждении, жлет специальных дискуссий и не следовало бы слишком оттягивать их.

Обсуждение статьи Мирского оказалось плодотворным по многим отношениям. Было бы хорошо, если бы скорее осуществлялось пожелание т. **И. Беспалова** об организации аналогичных дискуссий по вопросам прозы и драматургии.

Дельман

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ГЮГО

22 мая 1935 г. исполняется 50-летие со дня смерти великого французского писателя **Виктора Гюго**. Советская общественность отмечает эту дату организацией специальных вечеров, изданием произведений Гюго и т. д. 22 мая во Всесоюзном обществе культурной связи с зарубежьем проводится вечер памяти **В. Гюго**. Вечер откроется речами посла французской республики г-на **Альфана** и председателя **ВООС** г. **Арсеева**. С докладом о творчестве Гюго выступит профессор **Нусинов**. Доклад будет сделан на французском языке. Находясь в Москве испанская писательница **Нелькен** выступит с сообщением о влиянии испанской литературы на творчество Гюго. В художественной части вечера артисты театра Вахтангова покажут шестую сцену из «Марнон де Лорм». В сцене участвуют: засл. арт. респ. А. Орочко, **Лобашков, Наль** и **Шихмагов**.

КАМЕРНЫЙ

29 мая спектаклем «Вершины счастья» московский Камерный театр заканчивает свой сезон в Москве. Летний гастрольный театр будет проходить в двух городах: в Днепропетровске (июнь) и Воронежском (июль).

Сезон 1935—36 г. в Камерном театре начнется в декабре. На предстоящий сезон в новом сезоне четыре премьеры. Первой новой постановкой сезона будет пьеса **С. Семенов** «Не слепая», посвященная чл.членской эпохе. Вторая премьера — пьеса **Б. Левина** «Родина», затем опера-фарс **Бородина** «Богатыри», текст к которой пишет **Дельвин Бедный**, и одна из пьес **Лопе де Вега**.

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

В Ленинграде скончался художник **Казимир Малевич**.

БЛИЖАЙШАЯ ПРЕМЬЕРА

Московский театр Сатиры покажет 23 мая премьеру пьесы **В. Зана** («Опасный квартал»). Художественный руководитель театра **Н. М. Горчаков** трактует эту пьесу как современную советский водевил. Таким образом новая постановка как бы продолжает работу театра Сатиры над освоением этого жанра.

В спектакле «Веселые странники» в советии **Н. М. Горчаков**, — мы показали французские, итальянские и русские водевилы 40-х годов прошлого столетия. Театр не располагал тогда одноклассным советским волевым. Постановкой «Опасного квартала» мы хотим возродить этот пролет. Премьеры игры и постановки старинного водевиля не могут быть механически перенесены на современную водевил. Мы не хотим отказаться от основного свойства классического водевиля — музыкально-оркестровой пластичности, но мы стремимся найти новые способы введения и оправдания музыки и пения в спектакле. Куплеты, написанные для «Опасного квартала», продолжают линию действия пьесы, они служат средством усиления отдельных мест, ее злободневности и необходимы этому жанру орнаментом.

Ставят пьесу **Н. Горчаков** и **П. Грохон**. Художник — **Б. Волков**. Музыка написана **С. Потюкиным**, текст куплетов — **Б. Н. Лифановым**. Главные роли играют засл. арт. **В. Хенкин**, **Д. Кара-Дмитриев**, **Я. Волков** и др.

Сезон 1935—36 года РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ

БЕСЕДА С ЗАСЛ. АРТ. РЕСП. Н. П. ОХЛОПКОВЫМ

Моей ближайшей постановкой в Реалистическом театре будет «Отелло» Шекспира. Мы намереваемся, наряду с постановками пьес советских драматургов (это составляет основу нашей творческой работы) осуществить постановку всех лучших произведений Шекспира.

К Шекспиру мы обращаемся не случайно. Мое вступление в Реалистический театр, отмеченное постановкой «Разбоя», началось беседой о Шекспире о его творческом могуществе, его страстности, его масштабности и его величественной силе образа.

В связи с этим я объявляю непримиримую борьбу с резонансом на театре. Те, кто знает наши постановки («Разбой», «Мать», «Железный поток», «Аристократы»), знают и о том, что в каком из перечисленных спектаклей мы довольно последовательно используем элементы шекопировского театра и его особенности.

Сейчас я не буду говорить о наших конкретных взглядах на «Отелло». О трактовке этой пьесы и планах постановки я скажу только и подробно в специальной статье.

«Отелло» пошел в Реалистическом театре в переводе **И. А. Аксенова**, перевод сделан по специальному заказу театра. Художник будущей постановки — **Б. Кноблов**, — один из Голубиных — группы художников, оформившей «Аристократы». Музыка и «Отелло» написал композитор **А. Голубинов**.

Театром к 30-й годовщине Октябрьской революции заказано две новых пьесы. К 1 сентября Н. Подлин слал нашему театру новую комедию. Кроме этого идет работа по подготовке «**Евгения Онегина**» Пушкина (драматический спектакль).

В своем театре я провожу в этом году следующий опыт: велю курс режиссерской работы в ГИТЭС, я решил для повышения качества учебной работы, в недалеком будущем уже режиссеров, уже сейчас включить их в непосредственную практическую работу на театре. Эти студенты ставят в нашем театре с нашими актерами под моим руководством, комедию Гольдони «Гривач».

Что еще сказать? Жду, не дожидаясь, когда наш театр получит помещение труппа на Мокховой улице или Моэки-холла, где бы мы могли осуществлять полностью свои мечты о постановках масштабности и величия театров времен Софокла и Эврипида.

НОВЫЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР.

Спектаклем-сказкой «Веселый портяжка» **Вепричю** (худ. **Гребнер**, музыка **Кобалевского**) открыл сезон Кукольный театр Горьковского дома художественного воспитания детей (режиссер — **Аристов**).

Ответственный редактор **А. БОЛОТНИКОВ**. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрестной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

ВТО

Восковая секция
22 мая. Доклад **Н. И. ГАНДОЛЬФИ**: «Обпыт применения изопрона для лечения голоса артистов, певцов и ораторов. Демонстрация диаграмм. Помещение профессорской консерватории (ул. Герцена, 13). Нач. в 8 ч. веч.

Актерская секция
23 мая. Цикл творческих показов звукового слова. Участвуют **Н. В. Митяковский, Анатолий Дельвин** и **Мария Мирасова**. Дом культуры Армении, Армянский пер., 2. Нач. в 8 ч. веч.

Следующие вечера на цикла творческих показов звукового слова посвящены творчеству **Д. Н. ЖУРАВЛЕВА, В. И. ЗЫБОНСКОЙ** и **АРТАБОЛЕТТО** (Дмитрийев). (См. отд. адмшн).

28 мая. «Проблема пиковой режиссуры в театре». Выступают **Д. С. Ахмедов, В. Е. Беклемезова** и **В. МОСХ** (Ермолаевский пер., 7). Нач. в 8 ч. веч.

Группком СНР при ВТО
28 и 29 мая. Состоится объединенное заседание секции пиковых работников и научно-творческого отдела ВТО для заслушивания и обсуждения итогов работы режиссерско-актерской группы ВТО под руководством засл. арт. **В. Г. САХНОВСКОГО** за 1934—35 академ. год.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА

и краткие биографические данные композиторов **Верди, Гендель, Глинка, Арнольда Шенберга** и **М. Шапюрна** даются в шести изданных изданных новых книжках (в 1/4 д.) на бумаге высокого качества. Стоимость шести книжек с пересылкой 10 р. 80 к.

Выслать налож. платежом. Адрес для заказа: Ленинград, 104, «Международная Книга».

КНИГИ

По всем вопросам русск. и иностр. ДОКУПАЮТ
Магазины «Советский писатель», ул. Горького, 20 и 12, протип. Телеграфная: телефонные: 1-06-40 и 73-34

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Выходит на печать и рассылается подписчикам и поступает в продажу.

№ 4
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ОБЩЕСТВЕННО-Политическое ЖУРНАЛ

ЗНАМЯ

В НОМЕРЕ:
Л. Славян, В. Лапин, З. Хачатурян — На бойком дворе, кино-спектакль. В. Дувакин — Новые тексты Маяковского (с иллюстрациями). Г. Мунолит — Заметки о «Золоте Пана».

Ю. Островский — Сельскохозяйственная тематика Восточка.
И. Замонин — Песни и вопросы стратегии.
И. Свирид — Пушкин и Восток.
И. Замонин — Песни и вопросы стратегии.
Е. Трещенко — Заметки о «Волго-морстрой».

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ.
На 12 мес. — 24 руб., на 6 мес. — 12 руб., на 3 мес. — 6 руб., на 1 мес. — 2 руб.

Подписка принимается в почтовых отделениях, письмоместами, а также отделениями, уполномоченными, книжками КОГИЗ.

Журнал «ЗНАМЯ» включен в рекомендательный список ЦИРКА.

Республиканское архитектурное совещание

Сегодня в Ленинграде открывается всеобщее совещание советских архитекторов по творческим вопросам.

Совещание это даст критическую оценку творческому развитию советской архитектуры за последние годы и наметит основные пути ее дальнейшего развития.

В порядке дня доклад секретаря Всесоюзного Оргкомитета Союза советских архитекторов т. **Алабана** — о задачах советской архитектуры и Ленинградские поэты в Москве

Ленинградские поэты в Москве

Сегодня в Москву приезжает группа ленинградских поэтов — **т. А. ПРОКОФЬЕВ, Н. БРАУН, Б. КОРНИЛОВ, В. ЭРЛИК, В. САЯНОВ** и **А. РЕШЕТОВ**. Поездка эта является ответом на недавнюю поездку группы московских поэтов (М. ГОЛОДНОГО, А. БЕЗЫМЕННОГО и В. ЛУГОВОГО) в Ленинград.

Ленинградские гости выступят на ряде специально организуемых вечеров.

ВЫСТАВКА ПАВЛА КУЗНЕЦОВА

Имя Павла Кузнецова хорошо известно советскому зрителю. После революции мы видели уже третье персональную выставку художника.

Кузнецов прошел сложный творческий путь — от мистика 1900—1910 гг. до реалистического выражения социалистического строительства. Посещавшие выставку Кузнецова в клубе им. Аввакума вероятно не поверили бы, что об этом самом художнике писала когда-то ослепленная критика, как о «мистическом патентисте с его галлюцинациями и с его трепетными прозрениями мистических тайн духа» («Золотое руно», 1909), что об этом самом художнике говорили когда-то Павел Кузнецов — явление очень сложное, в нем сплетаются и совмещаются черты нового реалистического реализма с декадентской формой; но нужно уметь разглядеть сквозь уродливую декадентскую оболочку внутреннюю сущность его мировоззрения» (там же).

О Кузнецове, сегодняшние картины которого являются образцом глубоко продуманной, трезвой и ясной композиционной и цветовой организации, чудовищно странно читать слова об «уродливой декоративной оболочке». Вместо «трехдневных прозрений» мистических тайн духа — горячая любовь к природе, передаваемая человеком («Мистический патентист» воспевае землю, служащую людям, одолевшую природу, помогающую деду социализму. Какой сложный путь должен был пройти художник, чтобы от «не рожденных младенцев» прийти к «Казалу Волга—Москва»!

Правда, со времен «не рожденных младенцев» очень много ушло воды. Но Кузнецов послесоветского периода — ориенталист, певец услышного Востока, «русский поэт» «работавший в плане Гегеля, но на ином материале» — почти так же далек от Кузнецова нынешней выставки в рабочем клубе, как и Кузнецов-мистик. Не случайно в Третьяковской галлерее картины Кузнецова висят в трех разных залах. Эти три Кузнецова только оформились.

П. Кузнецов «Ессентуки» (1934)

Но когда мы смотрим теперешнюю выставку, мы ясно видим, как бесконечно далеко ушел Кузнецов от творческой декоративности и статичности, от гегелевских вечных метафизических определений. Этот приход к жизни — новое рождение художника — выразился в сфере композиционной отказом от декоративно-орнаментальной статической построения картины. Отказ этот дал Кузнецову новые возможности в области цвета — области, в которой Кузнецов наиболее силен. Можно смело сказать, что Кузнецов принадлежит к крупнейшим колористам всей русской живописи. Но как перемена отношения к миру изменила даже цветные качества художника! Стоит сравнить лишь натюрморт с цветами 1913 г. с картиной на ту же тему 1934 г., чтобы увидеть, какая пропасть отделяет бумажные цветы 1918 г. от живых 1934 г. Цвет Кузнецова стал богаче, живее, цветовой кладка гораздо свободней и разнообразней.

Новое мировоззрение художника неизмеримо расширило его тематические диапазоны. Правда, прошлое еще мстит, и с проблемой интензивного движения в картине («Дуб») художник явно не справился. Но замечательно уже то, что Кузнецов такую проблему в настоящее время может для себя поставить. Обращение же к подмосковному пейзажу принесло мастеру настоящую победу. Два его пейзажа — «Полонез» и особенно замечательный пейзаж «Канал Волга—Москва» показывают, какие громадные strides проделал в художественном сознании Кузнецова и каким большим новым достижениям этот перелом указывает путь.

Кузнецов идет по новому пути далеко не так безмятежно и уверенно, как он шел по пути ориентализма. Он оступается, но после каждого оступа все оптимее становится под тем или иным высотам, все яснее принципы нового, бесконечно более богатого и живого творческого мировоззрения.

З. ВИКТОРОВ.